

INSPIRIA

МОЯ ГРЯЗНАЯ
КАЛИФОРНИЯ

ДЖЕЙСОН
МОСБЕРГ

INSPIRIA

Джейсон Мосберг
Моя грязная Калифорния
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. США»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68469595

Моя грязная Калифорния:

ISBN 978-5-04-177437-0

Аннотация

Джоди недолго радовался возвращению брата Марти, пропавшего на 10 лет. Не успел тот появиться, как был жестоко убит. Заодно с их отцом. Кто это сделал и зачем? Джоди уверен – ответ найдется в странном видеоблоге «Моя грязная Калифорния», который вел Марти. И в самой Калифорнии, где брат прожил это десятилетие. Джоди бросается туда.

В напряженном расследовании он столкнется с еще несколькими людьми, каждый из которых совершает свой причудливый и смертельный квест по темной стороне Золотого штата – в грязном мире иллюзий, лжи, страха и боли.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	47
Глава 3	76
Глава 4	107
Глава 5	132
Глава 6	144
Глава 7	149
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Джейсон Мосберг

Моя грязная Калифорния

© Шаутидзе Л.Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящается Рике,
моему напарнику по исследованию
потрясающего штата¹ Калифорния*

¹ В оригинале, видимо, игра слов, часто используемая в английском языке: «state» означает не только «штат, государство, земля», но и «состояние, ситуация, устройство».

Пролог

Подкаст «Моя грязная Калифорния» должен был выйти в эфир в ноябре 2021 года, но в последнюю секунду руководители «Боксар Медиа» его отменили из-за двух поданных судебных исков и начавшегося расследования ФБР. В Сеть попал небольшой отрывок из первого эпизода. Ниже приводится его расшифровка:

«Помню, я где-то читал, что лучшие калифорнийцы – те, которые приехали сюда из других мест. Я – из Детройта. Переехал в Лос-Анджелес в надежде попасть в киноиндустрию и снимать фильмы, а в итоге стал записывать разговорные подкасты.

Я никогда не планировал делать подкасты о реальных преступлениях, но мое мнение изменилось, когда я попал на сайт Марти Моррела «Моя грязная Калифорния». Кто такой Марти Моррел? Не хотел бы называть его искателем приключений. Марти не искал приключений. Он изучал и документировал жизнь.

Трудно провести границу между моим интересом к самому Марти и к его видению Калифорнии.

Калифорния очаровала меня с первого взгляда. «Золотой штат» может похвастаться девятью природными заповедниками. Будь он страной, считался бы пятой экономикой ми-

ра. Двадцать тысяч квадратных миль пустыни, семь сотен миль побережья Тихого океана и горы Сьерра-Невада. Тут есть все – от секвойных лесов до пустыни Мохаве. Это родина киноиндустрии, интернета, персонального компьютера и скейтборда. Хотя штат ассоциируется в первую очередь с такими крупными городами, как Лос-Анджелес, Сан-Диего и Сан-Франциско, в нем самый высокий уровень сельскохозяйственного производства среди всех штатов США.

У нас самые массивные в мире деревья, самые высокие в мире деревья и самые старые в мире деревья. Я очень люблю этот штат, честно. Однако порой Калифорния выглядит как новомодный товар, который маркетологи, стремясь продать, пытаются вписать в какие-то рамки.

Калифорния – такое место, где человек, прежде равнодушный к флоре, вдруг начинает любить полевые цветы. Но под бесспорной красотой Калифорнии скрывается мрачная история. История о том, как складывалась ее судьба. Интернирование² японцев. Лос-Анджелесский бунт³. Калифорнийский закон о землях иностранцев тысяча девятьсот тринадцатого года⁴. Американо-мексиканская война⁵. «Фейс-

² И н т е р н и р о в а н и е – здесь: перемещение в концентрационные лагеря (коснулось проживающих на Западном побережье японцев во время Второй мировой войны).

³ Л о с – А н д ж е л е с с к и й б у н т – беспорядки весны 1992 года, вызванные избиением чернокожего мужчины Родни Кинга полицией.

⁴ Закон запрещал иммигрантам покупку и долгосрочную аренду земли, был направлен прежде всего против японцев, но коснулся и фермеров других азиат-

бук»⁶. Иногда я думаю, что в Калифорнии никогда не заканчивалась эпоха золотой лихорадки. Золото просто заменили другими сокровищами. Кинофильмами. Славой. Океанскими волнами. Венчурным капиталом. Молодостью. Вином. Любовью. Религией. Технологиями. Наверное, я и сам – участник этой вечной погони за деньгами. Впервые переехав в Лос-Анджелес, я обнаружил, что здесь никто не ходит в боулинг. Все слишком заняты.

Марти Моррел занимался всем, чем тут можно заняться. Он исследовал каждый дюйм Лос-Анджелеса, каждую трещинку и щелку штата Калифорния и все задокументировал в сотнях видеороликов, тысячах фотографий, очерков и постов в блоге. Даже если бы он не писал ни о каких преступлениях, я все равно захотел бы сделать подкаст о Марти.

Но он писал о преступлениях. Я думал, что убийства будут самой пугающей частью моего подкаста, – однако это было до того, как я узнал о Доме Пандоры».

ских национальностей.

⁵ 1846–1848 гг.

⁶ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

Глава 1

Джоди

Любой странный день начинается как самый обыкновенный.

Джоди режет батат на кусочки, собираясь жарить в растительном масле. Его отец, Джозеф-старший, сидя за кухонным столом, разбирает почту.

– Мне начинать готовить курицу?

Голос у старика такой, словно он сорок лет непрерывно курил сигареты, хотя Джоди лишь изредка видел его с сигарой.

– У меня будет готово через тридцать пять минут. Смотри сам.

Джозеф-старший берет миску с кусками сырой курятины, замаринованной в особой заправке, которая называется «итальянской». Проходя мимо Джоди, он говорит:

– Будешь так рубить, потеряешь однажды палец.

Джоди вздыхает. Он не менял манеру пользоваться ножом с того времени, когда Джозеф-младший из «Джои» превратился в «Джоди» – так окрестил его братишка, имевший обыкновение в любое слово совать лишние «д». Себя он называл Марди. Брат ушел из дома в семнадцать лет и уже десять лет не возвращался.

Стук в дверь. Звук эхом долетает из прихожей на кухню.

– Заходи! – кричит Джозеф-старший. – Это, наверное, Кат-тер. Он звонил, что зайдет за дровами. Хотя спина у него покрепче моей.

Сетчатая дверь скрипит, вслед за чем слышны тяжелые шаги по коридору. В кухню входит мужчина. Но не их сосед Каттер.

Парень, похожий на бродягу-хиппи с всклокоченными волосами. Проколотые уши без серег. На одном плече висит грязная холщовая сумка с ручкой-кольцом. Три пластыря, то ли косметических, то ли медицинских, добавляют лоскутков к образу хиппи. Джоди знает, что этому мужчине двадцать семь лет, хотя «гусиные лапки» возле глаз создают впечатление, что ему далеко за тридцать.

Марти.

Улыбка от уха до уха подчеркивает его острый подбородок и не сходит с лица, словно Марти позирует для семейной фотографии. Ошеломленный Джоди бросает взгляд на Джозефа-старшего. Отец застыл, будто его руки погружены в цемент, а не в сырую курятину.

Джоди нарушает тишину.

– Марти... как...

Он кладет нож. Марти скидывает свой здоровенный вещмешок на деревянный пол. Братья обнимаются.

Объятие помогает Джоди подобрать слова.

– Что ты тут делаешь?

– Вот, захотелось навестить.

Джозеф-старший моет руки с мылом, вытирает их и протягивает правую. Марти усмехается такой официальности отца, но пожимает руку Джозефу-старшему.

– Рад тебя видеть, Марти. Ты выглядишь... старше.

– Ну, я и стал старше. А вы двое выглядите моложе.

Марти говорит это с заразительной улыбкой. Это напоминает Джоди о детстве. Ему четырнадцать, Марти семь. Во что бы они ни играли – в пинг-понг, футбол, или баскетбол, или в видеоигру «Золотой глаз 007», – кто бы ни побеждал или проигрывал, позволял Джоди ему победить или нет, Марти вечно был с хитрой усмешкой.

– Ты приехал из Лос-Анджелеса? – спрашивает Джоди.

– Ага.

Джоди наклоняется влево, чтобы глянуть на подъездную дорожку. Темно-бордовая «Тойота-Камри» стоит рядом с его серым грузовиком «Форд».

– Самолетом?

– Нет. Друг подвез.

Рори забегает через собачью дверцу и бросается прямоком к Марти.

Марти наклоняется и гладит собаку.

– Погодите, это ведь не Сейдж?

– Сейдж несколько лет назад умер, – говорит Джоди. –

Рори у нас уже три года.

– Той же породы?

– Ага. Тоже дворняга, – говорит Джоди.

Марти смеется, почесывая Рори за ушами.

– Я мог бы прислать тебе денег. Ты за этим здесь?

Марти смотрит на отца – глаза у того широко раскрыты, внимательные.

– Что? Нет. Какие деньги?

Рори чувствует напряжение – убегает в кабинет и запрыгивает там на диван.

Джозеф-старший возвращается к курице, начинает выкладывать куски на сковороду.

Снова стук в дверь. Джозеф-старший бормочет себе под нос:

– Кто на этот раз – ваша мать?

Джоди встречается взглядом с Марти. Они обмениваются мыслями, воспоминаниями, страхами и мечтами давно потерянного времени. Братья.

Джозеф-старший выкрикивает хриплым голосом некурящего курильщика:

– Заходи!

Снова скрипит сетчатая дверь. Входит Каттер, мужчина лет около пятидесяти, с крепкой фигурой, будто самой природой скроенной нарочно для рубки дров. Даже его имя звучит как прозвище лесоруба⁷. Тем не менее любит брать дрова бесплатно.

– Привет, Джоди. Как жизнь, друг?

⁷ Самый широкий смысл слова cutter (*англ.*) – «нечто режущее, секущее».

– Хорошо.

– Слыхали, кого приобрели «Иглз»⁸? Чертовы «Иглз»!

Они...

Каттер умолкает, заметив третьего человека.

– Привет. Я Каттер.

Он протягивает руку.

Марти ее пожимает.

– Я Марти.

– Марти?! Ты Марти? Черт, и правда... Что ты здесь делаешь?

– Приехал в гости.

– Боже, лет пять тебя не видел. Ты надолго?

– Десять, – уточняет Джозеф-старший. – Прошло десять лет.

Джоди смотрит на отца. Тот пытается выглядеть невозмутимым.

– Не буду вам, ребята, мешать. Только дрова возьму.

– Они на веранде. Береза в дальнем ряду, может, и сгнила, а остальные хорошо горят, – говорит Джозеф-старший.

Каттер напоследок еще раз улыбается Марти и выходит через заднюю дверь.

– Может, я сбегаю в супермаркет и принесу вам, ребята, пива? У нас тут не больше шести банок.

– Мы обойдемся, пап, – говорит Джоди.

– Мне достаточно и одной. Если оно «Юнглинг».

⁸ «Ф и л а д е л ь ф и я И г л з» – команда по американскому футболу.

– Мы все еще пьем только его. Пап, не надо никуда ходить. Садимся есть. – Джоди смотрит на брата. – Мы как раз готовили ужин. Ты голоден?

– Если у вас хватит и для меня.

– Мы готовим сразу на несколько дней.

* * *

Когда Джоди с отцом ели поджаренные на гриле свиные отбивные, или курицу, или лосося, часто проходили долгие минуты в молчании. И эти минуты молчания были комфортными. Но теперь, когда они едят втроем, Джоди замечает каждые десять секунд между словами.

– Чем ты там зарабатывал на жизнь? – спрашивает Джозеф-старший, нарушая очередной момент тишины самым отеческим из вопросов.

– Так, по мелочам. Достаточно, чтобы сводить концы с концами.

Джоди и отец ждут дальнейших подробностей, но их нет.

– Бизнес с подъездными дорожками по-прежнему идет хорошо?

Джозеф-старший вздыхает.

– То да, то нет. Несколько лет все было отлично, а потом появилась пара мексиканских бригад. Из-за конкуренции пришлось снизить цену. Но пока экономика не окажется в полном дерьме, люди будут платить за ремонт своих доро-

жек.

Марти поворачивается к старшему брату.

– А ты? Все еще продаешь журналы?

Жар приливает к лицу Джоди, его щеки краснеют. Он помнит, как младший брат считал крутым, что Джоди косит газоны, чтобы скопить денег и поступить в Лихайский университет в двадцать четыре года. Помнит, как младший брат считал крутым, когда, не получив стипендию, на которую надеялся, Джоди решил торговать подписками на журналы, чтобы оплачивать частные уроки. Но Марти уехал еще до того, как Джоди поступил в колледж.

Он уехал до того, как Джоди чересчур увлекся продажей журналов и начал составлять списки из тысяч имен потенциальных клиентов. До того, как стал заниматься продажей журналов по четырнадцать часов в день. Три часа в день на уроки в школе, два часа в день на домашнюю учебу – это оставляло всего пять часов на еду, полбанки пива и сон.

Старшеклассником он был самым обычным, но первый год в колледже прошел для него нетипично. Во-первых, он оказался на шесть лет старше большинства однокурсников. Остальные ребята были заняты тем, что напивались до отключки или проверяли, что на самом деле значит сказанное девушкой «да» или «нет». Помимо разницы в возрасте, Джоди еще и учился усерднее всех и вдобавок работал по семьдесят часов в неделю – ходил по домам, продавая журналы. К февралю первого курса Джоди испытал выгорание. Нерв-

ное истощение, как называли это врачи.

Джоди начал посещать психотерапевта. Ко второму сеансу та связала происходящее с другим случаем из его жизни. В шестнадцать лет Джоди был звездой школьного футбола. Но летом перед выпускным классом он начал заниматься футболом по шесть часов в день. Отношения с друзьями сошли на нет, и он мало времени проводил с семьей. В итоге он повредил колени и вообще пропустил весь выпускной сезон. В случае колледжа, как было и с футболом, навязчивое стремление к успеху имело негативные последствия и помешало ему достичь первоначальной цели. Психотерапевт диагностировала у Джоди обсессивно-компульсивное расстройство личности (ОКРЛ), которое, как она объяснила, отличалось от просто обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР). Симптомы включают чрезмерную преданность работе, что вредит социальным и семейным связям, чрезмерную заикленность на составлении списков, жесткое следование этическим кодексам, крайнюю экономность без разумной причины и страсть к накопительству. Она назначила Джоди успокаивающие лекарства, которые он с тех пор и принимает. В течение десяти сеансов она наставляла Джоди избегать таких занятий, на которых он может заикливаться. Джоди помнил, как посмеялся над этим советом на одном из сеансов. Просто избегай следовать своим устремлениям!

– Нет, уже давно перестал. Работаю техником в школе. И еще футбольным тренером в средних классах.

- Ну надо же! Я всегда думал, что ты мог бы стать хорошим тренером. Любишь общаться с детьми?
- В общем, да. Когда они не ведут себя как засранцы.
- Джозеф-старший спрашивает:
- Ты попадал в какие-нибудь землетрясения?
- Да, у нас их кучи.
- А как насчет акул? Я читал, сейчас в Южной Калифорнии появились большие белые акулы.
- Слышал от людей, что их видели. Сам пока не сталкивался.

Марти подмигивает Джоди – так подмигивает семидесятилетняя старушка своему внуку, делая более заметными «гусиные лапки» возле глаз. Если только это не из-за постоянного подмигивания, Марти, наверное, провел значительное время на солнце на Западном побережье.

Чувствуя наступление очередного периода тишины, Джоди хватает со стола грязные тарелки.

* * *

Он заканчивает мыть последнюю тарелку в тот же момент, когда отец допивает последний глоток пива.

- Пойду спать. Увидимся утром. Рад видеть тебя дома.
- Джоди и Марти смотрят на циферблат напольных часов – без двадцати девять.
- Ладно. Ты точно не против, что я остаюсь?

– Конечно. Живи здесь сколько хочешь. Я так и твоему брату сказал, и он принял это всерьез.

Джоди усмехается легкой язвительности отца. Джоди много лет копит деньги и, в своей ОКРЛ-манере составления списков, еще восемь лет назад составил план: накопить шестьдесят пять тысяч долларов, купить дом, найти девушку, жениться, завести детей. Джоди не поверил предупреждению терапевта о том, что люди с его расстройством преследуют определенные карьерные цели в ущерб личным отношениям, но вот ему уже тридцать четыре года, а он все без подружки.

Они обмениваются пожеланиями спокойной ночи, и Джо-зеф-старший исчезает в своей спальне. Взгляд Марти возвращается к часам.

– Он всегда ложится спать в восемь сорок пять?

– Нет. Иногда.

Марти хихикает, смех перерастает в «хम्म».

– Пойми, ты появился так внезапно... Мог бы сначала позвонить.

– Я думал, так будет веселее.

– Отлично. Только учти, что ему тяжело после того, как ты пропадал столько лет.

– Вы, ребята, могли бы меня навестить. Насколько мне известно, самолеты летают в обе стороны. Я вам хотя бы писал. Письма. Открытки. Сотни их. Книги тебе присылал. И никогда не получал от вас ответа.

– Прости, брат. Я не из тех, кто пишет письма.

Мгновение Джоди думает, не отвести ли Марти наверх и показать ему книжную полку в его комнате. Сотни книг в алфавитном порядке по фамилии авторов. Каждый раз, когда он получал по почте книгу от Марти, Джоди ее читал. Он добавлял книгу в свою базу данных. Находил автора и составлял список всех книг, когда-либо им написанных. Затем он их покупал. И читал их все. Так, когда Марти прислал Джоди старый экземпляр «Консервного ряда» в мягкой обложке, Джоди ее прочитал, а затем прочел все, что написал Стейнбек, от «Золотой чаши» до «Путешествий с Чарли в поисках Америки».

– Думаешь, я правда могу здесь остаться?

– Ага. – Джоди не может справиться с любопытством: – Надолго?

– Не знаю.

– Ну, твоя комната тебя ждет.

Марти подхватывает сумку, и Джоди идет за ним по коридору и затем вверх по лестнице. Марти включает свет и проходит в комнату. Ее желтые стены так сильно выцвели, что выглядят белыми, пожелтевшими от времени.

– Он оставил бы все в точности, как было при тебе. Но пару лет назад у нас протекла крыша. Твои постеры и прочее – в коробке в стенном шкафу.

Беззаботная улыбка, с которой Марти вошел в дом пару часов назад, исчезает. От вида комнаты, похоже, нахлынули

воспоминания. Хорошие, плохие и смешанные.

– Твоя комната все там же? – спрашивает Марти.

Джоди пожимает плечами, не предлагает ее показать. Ему трудно расставаться с вещами, поэтому он просто раскладывает их по коробкам из-под обуви. В какой-то момент он понял, что вещей слишком много. Он составил подробный список: что оставить, что отдать на благотворительность, а что выбросить. Но дальше списка дело не пошло.

– Ты завтра работаешь? – спрашивает Марти.

– Я в отпуске до начала августа. Проведу пару футбольных лагерей летом. И работаю волонтером в парке Уайт-Клей-Крик раз или два в неделю. Помогаю ухаживать за туристской тропой.

– Покажешь мне?

– Конечно. Возьмем Рори.

* * *

Джоди и Марти идут по тропе, любясь лесными флоксами и дикой геранью. Рори бежит впереди и тоже по-своему любит полевые цветы. Джоди подавляет отрывку и борется с позывами на рвоту.

– Ты в порядке? – спрашивает Марти.

– Угу, – отвечает Джоди.

Год назад отец увидел, как Джоди рвало утром после того, как накануне он выпил всего две банки пива. С возрастом

ему становилось труднее пить без того, чтобы его не стошнило на следующий день, но это его не останавливало. Отец, назвав его «малопьющим алкоголиком», посоветовал либо перестать пить, либо сходить к врачу. Джоди пошел к врачу, и тот объяснил, что, когда он пьет перед сном, ночью выделяется лишняя желудочная кислота, от этого и тошнит. Врач велел не пить за три часа до сна, а еще предложил посетить психиатра, потому что избыток желудочной кислоты мог быть связан с тревожностью. Психотерапевт, с которой он общался десять лет назад и которой доверял, давно вышла на пенсию. Джоди познакомился с новым доктором, который хотел сосредоточиться на вопросе о том, почему Джоди продолжает пить по паре пива каждый вечер, если от этого его тошнит. Он считал, что Джоди нравится тошнота, и он всегда либо пьян, либо в похмелье, и оба состояния использует для подавления беспокойства. Джоди в это не поверил и не стал ни возвращаться, ни искать нового доктора.

– У отца в самом деле болит колено или он просто не захотел с нами пойти? – спрашивает Марти.

– У него проблемы с ногами. Не придирайся к нему. Остынь.

– Остыть? Из-за отца? Я давно остыл. В старших классах мечтал прострелить ему голову.

Марти смеется собственной шутке, а Джоди задается вопросом, пошутил ли он.

– У нас с тобой были разные отцы, – добавляет Марти.

– Да, он стал другим после смерти мамы. Согласен.

– Другим – не то слово.

Марти был слишком юн в то время и не понимал, что молчание – лучшее, что отец мог им предложить после смерти жены от рака груди. А Джоди был слишком юн и не понимал, что брат переживает эмоциональное отсутствие их отца совсем не так, как он сам. Джоди тогда исполнилось двадцать, и отец был с ним все детство. Марти же в тринадцать лет потерял мать, и его отец исчез в черной дыре безмолвной печали.

На повороте тропы они теряют Рори из виду.

– Тебя правда подвез друг, который ехал через всю страну?

Марти смеется.

– Нет, я добирался на попутках.

– Через всю страну?

– Дальнобойщики подвозят. За наличные.

– А у тебя там есть машина?

– Нет. Ну, иногда была – общая на несколько человек.

Фраза кажется Джоди странной.

За поворотом тропинка идет вдоль ручья. Рори прыгает в воде. Марти снимает ботинки и носки. Стягивает рубашку через голову, обнажая татуировки, покрывающие семьдесят процентов кожи на его груди, спине и руках. Джоди отводит взгляд. словно это то, чего ему не следует видеть.

Только когда он слышит плеск, с которым Марти плюха-

ется в воду, он поворачивается обратно.

Минуту спустя Марти снова натягивает одежду поверх своего мокрого, покрытого чернилами тела. Даже после того, как татуировки исчезли из виду, Джоди не может перестать о них думать. Как будто они отражают то, насколько далеко братья разошлись в жизни. Джоди никогда не сделал бы себе татуировку.

Когда они продолжают путь, он спрашивает:

– Когда ты все это сделал?

– В разные времена. О некоторых тату я жалею и пытаюсь превратить их во что-нибудь другое. Тебе не нравится?

– Не знаю. Твое дело. Я совсем не знаю твоих желаний.

– Мы братья. Ты не можешь меня не знать.

– Да, конечно. И отчасти это, кажется, так. Словно прошел месяц, а не десятилетие. И все-таки я совсем тебя не знаю. Не знаю, какой ты и чем занимаешься.

Еще пару минут они идут молча, потом Марти говорит:

– Я сделал одну штуку. Пока не знаю, что это будет. Называется «Моя грязная Калифорния».

– О чем ты?

– Это сайт. Хотя... просто место, где я делал... проект. Я даже не знал сначала, к чему он. Не пытался дать определение. Со временем он стал своего рода видеожурналом о моих приключениях. Там я храню все свои фотографии. И я не переставал его вести.

– То есть это блог.

– Нет, – говорит Марти с ноткой досады, как будто блог – это не круто.

Джоди не поспевает за модными тенденциями – «Инстачат», «Снапграм», «Динь-Дон», «Триппер», «Интерфейс-бук». Марти кажется смущенным, и Джоди недоумевает, почему он вообще об этом заговорил.

– Это скорее место, где я могу хранить все мои фото, видео и эссе, пока не решу, что делать с проектом. Может, когда-нибудь составлю из них документальный фильм или создам полноформатный веб-видеоарт.

Джоди спрашивает, что такое полноформатный веб-видеоарт.

– То есть любой может его посмотреть?

– Теоретически да. Любой может зайти. Только я никому не говорил адрес, так что никто не знает, где искать. Никто его пока не смотрел. Но ты, если хочешь узнать меня, посмотри. Можешь даже что-нибудь добавить, если захочешь. Пароль для входа – mdc⁹, нижний регистр.

– Добавить?

– Видео обо мне или о нас. – Марти совсем смутился. – Неважно. Не бери в голову.

Джоди чувствует неуверенность брата, но не знает, что сказать. Он слышит, как где-то впереди рычит Рори. Они с Марти бегут за поворот и видят незнакомца, который крепко держит Рори за ошейник.

⁹ Сокращение от My Dirty California (англ.) – «Моя грязная Калифорния».

– Эй, ты что делаешь? – спрашивает Джоди.

– Собака бросилась на меня и лает, – говорит незнакомец.

Джоди забирает у него Рори и гладит собаку по голове.

– Вам следует держать его на поводке!

– Ладно, успокойтесь, – говорит Джоди.

Мужчина быстро идет вниз по тропе.

Марти наклоняется и тоже гладит Рори.

– Вижу, люди тут не стали дружелюбнее. Помню, как был мальчишкой и смотрел, как Трей, Дюк и прочие болваны кидали камни в амишей¹⁰, когда те проезжали мимо заправки, и думал о том, как я хочу выбраться отсюда, знаешь, в какое-нибудь место, где живут порядочные люди.

– Ты нашел такое место?

– Черт, нет. В Калифорнии, конечно, есть хорошие люди. Но не все.

* * *

Джоди насаживает на шампуры куски говядины и курицы, а Марти режет тыкву. Джозеф-старший разогревает гриль во дворе. Каждый из троих мужчин прихлебывает из своей бутылки «Юнглинг».

¹⁰ Амиши – особая группа протестантского вероисповедования, примыкающая к анабаптизму, члены которой широко известны прежде всего своим неприятием современных технологий и обычаем одеваться по стародавней моде; Пенсильвания – наиболее заселенный амишами штат США.

Отец заходит на кухню, держа в руках баллон с пропаном.

– Закончился, – говорит Джозеф-старший.

Джоди берет баллон.

– Я наполню.

Он идет к сетчатой двери.

Джозеф-старший его догоняет.

– Джоди. Я съезжу.

– Да ничего. Мне не трудно.

Джозеф-старший тянется к баллону.

– Давай я. Ты лучше проведи время с Марти. Я беспокоюсь о нем. У него давно не было брата, с которым он мог бы поговорить.

Джоди свистит. С заднего двора прибегает Рори, радуясь перспективе поездки на машине.

– Не вали все на меня. У него давно не было отца, с которым он мог бы поговорить.

Джоди с баллоном и Рори забираются в грузовик и отъезжают от дома. Десять лет назад ни один из них не обвинял другого за решение Марти уехать на Западное побережье. Но сегодня они это сделали.

Джоди с отцом все время что-то обсуждали. Какую игру посмотреть. Что съесть на ужин. Как заставить Рори заткнуться. Иногда спорили, но как соседи по дому. Пререкались. Многие годы они не ругались ни из-за чего существенного.

Пока Джоди едет в хозяйственный магазин, он никак не

может избавиться от внутреннего дискомфорта. Раньше он чувствовал себя уверенно, думая, что научил Марти распознавать правильное и неправильное, хорошее и плохое, вроде как помог младшему брату выработать моральный кодекс. Он говорил Марти: «Делай что-нибудь хорошее», потом: «Делай хорошо», а потом короткое «Делай хор» превратилось в их поговорку. Джоди повторял ее, когда подвозил Марти на тренировку Малой лиги или когда провожал его на школьный автобус. Если Марти ввязывался в драку на перемене, мать читала ему лекцию, а Джоди добавлял: «Делай хор».

Но когда у Джоди случился нервный срыв в двадцать четыре года, психотерапевт помогла ему понять, что люди с его расстройством воспринимают большинство событий в жизни бинарно – как либо абсолютно правильные, либо абсолютно неправильные.

Джоди всегда действовал по определенному коду. Он попробовал алкоголь до того, как ему исполнился двадцать один год, но не раньше восемнадцати, потому что считал, что человек вправе выпить пива, только если он достаточно взрослый, чтобы умереть за свою страну.

Доктор заставила его признать, что потребность классифицировать все как правильное или неправильное была не самой худшей из одержимостей. Но Джоди тогда понял, что ему следовало быть внимательнее к Марти. В шестнадцать Джоди проводил все время со своей первой серьезной по-

дружкой. В семнадцать был поглощен футболом. В двадцать три – желанием поступить в колледж. Он понял, что следовало проводить больше времени с младшим братом, а не просто возникать иногда в качестве полиции нравов и произносить два слова. Джоди стало мучить чувство вины от мысли, что его проповеднические наставления заставили Марти сбежать в Калифорнию. И смысл фразы «Делай хор» изменился. Вместо общей шутки, связывающей братьев, для Джоди эти слова стали символом его неудачи в качестве старшего брата и того, что он оттолкнул Марти на три тысячи миль от себя.

* * *

Джоди ждет от кассира сдачу в хозяйственном магазине, наполняет баллон пропаном. В магазин заходит женщина с двумя детьми.

– Привет, тренер!

Джоди кивает. Как зовут этого мальчишку? Фред или Бен. Вроде бы.

Кассир протягивает Джоди сдачу.

– Слышал, вернулся твой брат.

– Ага.

– Он был в моем классе. Помню, у нас в школе был свободный день. Некоторые из класса пошли в парк Дорни. Другие поехали на пляж Джерси. А твой брат укатил в Калифор-

нию.

Джоди усмехается, но не отвечает.

– Да, только Марти мог бросить школу за месяц до окончания. Чего он вернулся?

– Пока не знаю. Расскажу, когда снова потребуется заправка пропаном.

* * *

Джоди едет обратно к дому. Снижает скорость, проезжая мимо лошади и повозки. Машет паре амишей, те машут в ответ. Сумерки сменились темнотой, и ему хочется сказать амишам, что им следует быть осторожнее.

Рори выпрыгивает из грузовика и бежит на задний двор. Джоди идет к дому, однако на полпути останавливается. Забыл баллон.

Возвращается и достает его из грузовика. Пока он шагает по каменной дорожке, свет в спальне Марти на втором этаже притягивает его внимание. Джоди открывает входную дверь. И застывает на пороге.

В пятнадцати футах от него – красная полоса по кухонному полу. Джоди бежит на кухню. Его взгляд следует за красной полосой туда, где она заканчивается. Джозеф-старший неподвижно лежит на полу, лицом вниз. Кажется, он полз – и оставлял за собой полосу крови – до того, как ему выстрелили в затылок. Джоди подбегает к отцу.

– Папа?! Папа!!!

Джозеф-старший не двигается.

Джоди издает звериный крик:

– Марти!!!

Дом содрогается от громких шагов по лестнице. Джоди вскакивает на ноги и мчится на звук. Вниз по лестнице бежит человек с капюшоном на голове, он направляет на Джоди пистолет с глушителем и стреляет. Джоди прячется за кухонную стойку. По-пластунски ползет в столовую. Добирается до прихожей, где хватает дробовик Джозефа-старшего и коробку патронов с верхней полки шкафа. Присев на корточки в столовой, заряжает дробовик. На это уходит время. Он семь лет не прикасался к оружию, а стрелял из него всего раз, в поле вместе с отцом. Дробовик заряжен. Джоди пробирается в кабинет. Пуля свистит мимо его головы.

Джоди слышит лай Рори. Пес забегает в дом через свою дверцу.

Может, из-за лая Рори, а может, потому что увидел Джоди с ружьем, человек в капюшоне еще трижды стреляет в диван, за которым укрылся Джоди, и выбегает через заднюю дверь. Рори бежит за ним.

Джоди тоже бросается в погоню. Когда он достигает задней двери, справа от себя он видит Марти, лежащего на спине посреди пола в гостиной. На бежевом ковре вокруг него – красное пятно. Джоди выбегает через заднюю дверь и видит, как человек бежит по двору, преследуемый Рори. Джо-

ди целится и стреляет. Невредимый, человек перепрыгивает невысокий деревянный забор. Лишь мгновение Джоди обдумывает, бежать ли за ним. Потом бежит обратно в дом, набирает «911» и бросается к Марти.

Марти жив. Его глаза открыты. Он дышит. Но у него течет кровь из двух ран. Одна – в центре живота, другая – на горле.

– Девять-один-один; что у вас за чрезвычайная ситуация?

Джоди пытается зажать обе раны и кричит в трубку:

– Это Джозеф Моррел! Моего отца и брата застрелили.

Улица Оук-Черри-Лейн, дом два-пять-один-три. Пожалуйста, скорее!

– Джозеф, стрелявший все еще на территории?

– Он сбежал. Пожалуйста, скорее.

Джоди роняет телефон на пол. Ставит обе руки Марти на две его раны.

– Держи крепче. Я сейчас.

Джоди бежит на кухню, где видит Рори, свернувшегося калачиком возле отца. Может, отец еще жив. Марти выглядел мертвым, но он жив. Может, папа тоже еще жив. Джоди подлетает к отцу. Переворачивает его. Проверяет пульс.

– Папа?

Он не чувствует пульса. Впрочем, его собственное сердце стучит так быстро, что трудно разобрать.

– Папа? Папа?!

Он смотрит в глаза отца и понимает, что тот мертв.

– Нет... нет...

Джоди оставляет тело отца и бежит обратно в гостиную. Руки Марти уже соскользнули с ран. Он то приходит в сознание, то снова теряет.

– С тобой все будет хорошо. Все будет хорошо.

Марти пытается говорить, но рана в горле делает это почти невозможным.

– Нада...

– Что? – спрашивает Джоди. – Нада?

– Де нада... Де нада.

– «De nada»? «Ничего»? «Не за что»?¹¹ Марти, что ты говоришь?

– Де нада.

– Молчи. Не волнуйся. Все будет хорошо.

Джоди пытается надавить на раны. Марти указывает на стену. Джоди понимает, что он указывает на брошенный им телефон.

– Де нада.

Кровь вытекает из горла Марти на каждом слогe.

– Перестань говорить.

Джоди зажимает руками раны, а ногой подталкивает телефон к Марти. Марти пытается писать в телефоне, но роняет его. И теперь не может достать. А Джоди не может передать ему телефон, не отняв рук от ран.

– Де нада...

– Молчи!

¹¹ Возможные переводы «de nada» (исп.).

Марти оставляет попытки заговорить. Его веки опускаются.

– Марти! Не уходи! Марти! Эй!

Звук сирен скорой помощи приближается. Но Марти не дышит. Джоди убирает руку с раны на животе и проверяет пульс брата. Ничего. Он пытается делать массаж грудной клетки, но при надавливании из раны на животе льется кровь. Джоди, будучи футбольным тренером, несколько раз обучался делать искусственное дыхание, однако в инструкциях не говорилось, как быть, если при нажиме на грудную клетку из огнестрельной раны течет кровь. Но что еще он может? Джоди продолжает попытки.

Он так сосредоточен, что не слышит, как вошли два врача. Одному из них пришлось оттащить Джоди от тела.

Джоди, шатаясь, пятится назад и падает, пока врачи пытаются вернуть Марти из небытия.

* * *

Джоди сидит на земле, когда мимо него провозят обе каталки. Его руки и одежда мокрые от крови, но лицо сухое, без слез. Коронер¹² разговаривает с мужчиной, которого Джоди не узнает. Каттер говорит с несколькими соседями. Вокруг толпятся полицейские. Рори бегаёт кругами и лает.

¹² К о р о н е р – должностное лицо, официально определяющее и фиксирующее характер смерти.

Шериф Кэрп вылезает из полицейской машины и подходит к нему.

– Джоди. Я шериф Кэрп. Вы тренировали моего младшего сына в прошлом году.

Джоди не помнит, чтобы он тренировал детей шерифа.

– Мне очень жаль. Соболезную вам. Вы можете со мной поговорить? Рассказать, что произошло.

Теперь Джоди припоминает, как одна мать упоминала о своем муже-полицейском. Их сын был маленьким засранцем.

– Вы хорошо рассмотрели человека, о котором им рассказывали?

Джоди качает головой.

– Что-нибудь можете нам сказать? Он был высоким?

– Не высокий. Не маленький.

– Так, хорошо. Вы видели его лицо? Цвет кожи?

– Не видел. Он был в капюшоне, когда спускался по лестнице. И он стрелял. Мне пришлось прятаться. Когда я вышел на улицу, он убегал. Я видел, как он бежал.

– Ладно. Сейчас мы зададим вам еще несколько вопросов. А продолжим завтра утром, в полицейском отделении.

* * *

– Не знаю, удалось ли вам поспать, но давайте проверим, не вспомнилось ли что-нибудь.

Джоди не спал. Он не чувствует себя ни усталым, ни проснувшимся. Все повторяют ему, что у него шок.

– Я обдумывал. Вспоминал. Как он убегал. Я его не видел. Но видел, как он бежал. Его движения.

– Да? – говорит шериф Кэрп.

– Я думаю, у него ноги разной длины.

– Что вы имеете в виду?

– То, как он бежал. Механика движений. Одна нога загребала в сторону. Его правая нога длиннее левой.

– Извините, я не очень вас понимаю. Просто... вы не можете даже сказать, в каких он был штанах или какого он роста, но заметили, что одна нога длиннее другой?

– Из-за того, как он двигался. Компенсирующая походка. Я тренировал мальчика, у которого была сильная разница. Была заметна асимметрия в его позе. Наклоне таза. Положении бедер. У многих людей есть небольшая разница, в районе сантиметра. Но разница в два-три дюйма встречается редко.

– Ясно. Хорошо.

Джоди чувствует, что Кэрп считает это чушью.

– Что с телефоном Марти? Мы нашли телефон вашего отца. А телефон Марти?..

– Наверное, он забрал. Стрелявший, я имею в виду.

– Джоди, теперь пара вопросов посложнее. Сосед слышал, как вы прокричали имя Марти. Как будто злились на него. Он ранил вашего отца? И вы его нашли? И потом отомстили?

– Нет. Я уже говорил. Я приехал домой, а они оба были застрелены, и парень в капюшоне сбежал вниз по лестнице, стрелял в меня, затем выбежал наружу.

– Возникло ли напряжение с приездом Марти? Как мы слышали, он уехал, когда ему было семнадцать, и до сих пор не возвращался.

– Да, напряжение было, но не... Нет. Вы задаете не те вопросы. Марти ничего не сделал.

– А вы, Джоди? Вы злились на Марти? Или на отца? Нам говорили, что ваш отец отложил немного денег для Марти.

– Вот на что вы тратите время? Обвиняете меня?

– Я вас не обвиняю. Мы просто разговариваем.

– Повторяю, его правая нога длиннее левой как минимум на два дюйма. У вас есть какие-нибудь зацепки? Что вы делаете, чтобы найти убийцу?

– У нас все над этим работают.

– Никто во всем городе ничего не видел?

– Несколько отморозков буянили позже ночью, Рик Берд и два его приятеля. Люди видели их тут и там. Стреляли по дорожным знакам. Гоняли на машине по парковке литейного завода. Напугали женщин, выходивших из «Мо» в час тридцать ночи. Свистели им вслед.

– Вы говорили с ними?

– Арестовать их не за что, но мы их допросим. Пока они прячутся.

Заснуть он не может. Джоди даже не знает, сколько сейчас времени. Час идет за часом.

Он хочет плакать, но слезные железы не слушаются. Он закрывает глаза и видит кровь. И лицо Марти, когда он умирал. И лицо отца, уже мертвого. Телефон непрерывно звонит. Родственники. Друзья. Еще родственники. Джоди перестает отвечать. Выключает телефон.

Он не может решить, взять ему молоток или резак для коробок. Дробовик полиция забрала как улику.

Большую часть дня и вечера Джоди ездит по городу. Он не знаком с Бердом, но знает, как тот выглядит. Находит его только в половине десятого.

Сидя в грузовике, Джоди наблюдает, как Рик Берд курит сигарету и заигрывает с двумя женщинами возле бара «Маллоунз». Женщины уходят в бар, оставляя Рика Берда наедине с уязвленным эго и сигаретой.

Джоди выходит из грузовика и медленно идет по тротуару. Он бросается на Рика со спины. Думая о своих мертвых брате и отце.

И валит Рика на тротуар. Прижимает лицо Рика к асфальту одной рукой. В другой руке держит резак для коробок.

– Это был ты? Ты?!

– Я ни хрена не сделал! Отвали от меня!

Прежде чем разговор успевает продолжиться, огромный парень сбивает Джоди с ног. Подбегает третий и бьет Джоди ногой по ребрам. Огромный парень бьет Джоди кулаком в глаз. Два парня, которые пришли на помощь Рiku Берду, не собираются останавливаться, пока не вмешивается Рик:

– Подождите. Это сын Джозефа. Оставьте его!

Двое мужчин отступают от Джоди, и тот перекатывается на спину, пытаясь отдышаться.

– Джоди, да? – спрашивает Рик. – Твой отец прошлым летом мостил нашу подъездную дорожку. Дерьмово – то, что с ним случилось.

– Шериф Кэрп сказал мне, что вы от них прячетесь.

– Мы просто немного развлеклись. Не могу идти вот так в участок. Я на испытательном сроке.

Джоди пытается вспомнить, как убийца спускался по лестнице, бежал по заднему двору и прыгал через забор. Рик слишком невысок, чтобы быть тем парнем. А двое других – слишком толстые. Через забор им не перепрыгнуть.

– Ладно, тогда извини.

Джоди поднимается и идет к своей машине. Обзор его левого глаза сужается по мере того, как веко набухает кровью.

* * *

– Расскажите мне об этом фингале?

Джоди сидит напротив шерифа Кэрпа. Он мало спал про-

шлой ночью, и у него возникает желание прилечь и поспать на офисном диване шерифа.

– Ерунда.

Кэрп вздыхает. Мокрота булькает у него в горле.

– Я не верю в случайности. Мы тут не запираем двери. Не помню, когда в последний раз в нашем городе была перестрелка, не говоря уже об убийстве. Мой брат возвращается домой спустя десять лет, и вдруг происходят жестокие убийства, понимаете? Должно быть, он привез проблему с собой.

– Не спорю, Джоди. Но я звонил в три разных отделения в Лос-Анджелесе. Беда в том, что ни в Лос-Анджелесе, ни в штате Калифорния нет сведений о том, что ваш брат там проживал.

– Что?

– Он не имел водительских прав. Не платил налоги. Добавьте и тот факт, что тело находится в трех тысячах миль от их юрисдикции. Вряд ли они жаждут помочь.

* * *

В доме нашествие. Толпа народу на кухне и в пять раз больше тарелок с едой, чем людей.

Джоди выходит и садится на крыльце в любимое кресло-качалку отца. Он гладит Рори. Нэнси, его бывшая девушка, сочувственно машет рукой со двора. Джоди делает вид, что не замечает. На краткий миг он вспоминает, как одна-

жды они занимались сексом в ее джакузи. И пытается задержать эту картинку. Как она тяжело дышала и стонала. Джоди хочет уйти в воспоминание. Быть где угодно, кроме настоящего.

– Как ты, Джо?

Его дядя Донован подходит со стаканом виски. Когда мать Джоди, младшая сестра Донована, умерла, дядя Дон начал чаще навещать Джоди и Марти.

– В порядке.

– Я плакал сегодня утром. Просто хочу сказать, что ты можешь поплакать.

Джоди пытался. Он знает, что стало бы легче. Просто не получается.

Джоди оглядывается туда, где Нэнси разговаривала с людьми. Ее там больше нет.

– Я зайду завтра утром, и мы с тобой обсудим приготовления, ладно?

– Хорошо.

* * *

Джоди смотрит, как кружит потолочный вентилятор. Он немного поспал. Но просыпается каждые несколько минут. Когда засыпает, снятся отец и брат. Они разговаривают, едят, гуляют и спорят. А лежа без сна, он вспоминает, как умирал Марти. Снова и снова проигрывает этот момент в

голове. По крайней мере, отец умер первым и не видел, как умирает сын.

Джоди встает и включает свой старый ноутбук «Делл». Печатает «Моя грязная Калифорния» в поисковике. Ничего интересного не появляется. Джоди набирает в поисковике. MyDirtyCalifornia.com.

Простой сайт. Черными буквами заголовок:

моя грязная калифорния

Ниже идет длинный список ссылок. Возле каждой стоит дата. Возле самой недавней – 14.06.19.

Джоди прокручивает страницу вниз.

Сотни записей начиная с 24.02.15. Джоди наугад кликает ссылку. Открывается видео, представляющее собой слайд-шоу из фотографий.

Эффектные кадры с эффектными деревьями в заповеднике Белые Горы в округе Иньо, штат Калифорния. Деревья размером от пятнадцати до пятидесяти футов. Но интересны эти деревья не размерами, а тем, что у них скрюченный, засохший вид. Голос Марти комментирует слайд-шоу:

«На обратном пути от Маммота я отправился в древний сосновый лес Бристлекон. Я только пару лет назад услышал об этом месте. Там я увидел деревья, которым больше четырех тысяч лет. Самые старые деревья в мире».

Деревья и пейзажи сами по себе невероятные, но Марти снимал необычные кадры. С самых странных ракурсов. Так они выглядели одновременно красивыми и пугающими.

«Одному из них больше пяти тысяч лет, но работники парка держат в секрете, которое это дерево. Каково было бы жить тысячи лет? Все хотят жить долго, и при этом мы портим планету и в конечном счете сокращаем будущее человеческого рода. Если бы эти деревья были разумными и имели противопоставленные большие пальцы, они, наверное, попытались бы прожить еще дольше, испортили бы все и вымерли».

Слайд-шоу продолжало показывать остальные фотографии древнего соснового леса Бристлекон. Джоди нажимает «Назад» и выбирает другое видео. На нем Марти говорит в камеру:

«Я узнал о новой технике медитации и собираюсь здесь ее попробовать. Называется “умственный женишень”. Ключ в том, чтобы...»

Джоди проматывает вперед на пять минут. Марти закрыл глаза и медитирует на камеру. Джоди выбирает третью ссылку наугад. Еще одна видеозапись, на которой Марти говорит в камеру.

На этот раз глаза Марти выглядят мутными. Как бывает, когда смешивают шесть банок пива с травкой.

«Две недели назад я познакомился с официанткой, которая работает в баре “Фар” в Литтл-Токио. Мы поболтали. Я сказал ей, что встречаюсь кое с кем, но думаю, что она классная и мы поладим. Я сказал ей: давай тусоваться как друзья. Видимо, это сняло напряжение. Мы пошли и пообедали как

друзья, и нам было весело. Через два дня мы занимались сексом. А в прошлые выходные я был на вечеринке у приятеля и встретил другую женщину. Я покурил и немного выпил, и вот я уже говорю ей то же самое. Что я вроде как встречаюсь кое с кем, но хотел бы пообщаться как друзья. Я это искренне говорил в первый раз с японкой. Но на этой вечеринке я применил ту же тактику, вырабатывал стратегию, как аналитический член, ищущий, где бы погреться. Я думаю...»

Джоди решает, что услышал достаточно. Он находит самое последнее видео из тех, что Марти разместил на сайте. Это шестидесятисекундный видеоблог, где Марти говорит о желании отправиться в Юрику¹³ и исследовать округ Гумбольдта.

Джоди нажимает на предпоследнее видео. Еще одно короткое видео. Марти рассказывает в камеру о своем разочаровании после пребывания в Энсинитасе.

Джоди нажимает на третье с конца видео. На нем то Марти, говорящий в камеру, то фотографии, которые он сделал на вечеринке.

«Я пошел на эту дурацкую вечеринку на Голливудских холмах. Место не совсем в моем вкусе».

Фотографии дома, пейзажного бассейна на заднем дворе, гости одеты в разное: от дизайнерских костюмов до дизай-

¹³ Ю р и к а – Eureka (англ.), название города, т. е. «Эврика», совпадающее с официальным девизом штата. Слово, которое выкрикивали искатели времен золотой лихорадки, обнаружившие добычу.

нерских купальников и футболок.

«Казалось, там все просто ходят кругами, как зомби, и спрашивают у других, чем они зарабатывают на жизнь или откуда знают хозяина. Или и то и другое. Дом принадлежит Честеру Монтгомери. Парень интересный. Владеет картинной галереей, известен своими легендарными вечеринками. Я играл с ним и его приятелями в покер до трех часов ночи. Не особо хорошо разбираюсь в покере, но даже с учетом блефа это был самый честный разговор за вечер».

Джоди нажимает «Назад». Он не знает, что надеялся найти. Может, простое видео, которое объяснило бы, кто хотел убить Марти.

* * *

На рассвете Джоди кидает в сумку свою одежду, туалетные принадлежности и ноутбук. Достает из аптечки успокоительное средство, кладет его в сумку. Но потом достает и возвращает в аптечку.

Он находит бумагу и ручку. «Дядя Донован, пожалуйста, займись похоронами. Прости. Это должно покрыть расходы». Рядом с запиской он оставляет чек на одиннадцать тысяч долларов, выписанный Доновану Паркеру. Мгновение он пытается представить себе похороны. Он знает, что должен остаться. И знает, что не останется.

Джоди бросает сумку в кабину грузовика. Рори запр-

гивает внутрь. Джоди достает из кармана конверт с обратным адресом: «Марти Моррел, 3353, Хиллкирк-роуд, Лос-Анджелес, Калифорния 90084».

Джоди вводит адрес в гугл-карты. Тридцать девять часов пути.

* * *

Девять пустых стаканов из-под кофе заполняют подстаканники и пол под пассажирским сиденьем. Рори спит. Джоди мчится со скоростью на тридцать пять миль выше ограничения в семьдесят пять миль в час.

Его грузовичок «Форд» протестующе хрипит. Звездное небо и дальний свет фар освещают прямую дорогу. Планета Земля здесь точно выглядит плоской.

Тридцать миль и шестнадцать минут спустя Джоди давит на тормоза и съезжает на пыльную обочину. Выпрыгивает из грузовика. Приседает. Слишком много кофе. Рори нюхает цветы в лунном свете. Это слишком удаленная территория, чтобы ею править, но Рори все равно ее метит. Закончив, Джоди падает на задницу. Со спущенными штанами. И практически сидит в собственном дерьме. Вот тогда по его сухому лицу текут слезы. Чувствуя отчаяние хозяина, Рори подбегает и ластится к Джоди. Лучшим другом был его отец; теперь это его собака. Джоди обнимает Рори. И плачет. Перестает плакать. Снимает джинсы. Вытирает джинсами зад-

ницу. Оставляет их на земле. Поднимается и идет обратно в машину в нижнем белье.

Вперед. На Запад.

* * *

Еще три пустых кофейных стакана катаются под пассажирским сиденьем. Общим числом двенадцать. Джоди въезжает в район Лос-Анджелеса по десятому фривею в полвторого ночи. Он сворачивает на дорогу к Вест-Ковине.

Джоди падает на кровать в номере мотеля. Задница, спина и плечи болят после тридцати часов за рулем. Но в сон не клонит благодаря действию кофеина. Полежав на боку двадцать минут, он достает ноутбук и записывает свое видео.

«Это Джоди. Моя первая запись. Я собираюсь использовать сайт брата, чтобы понять, что произошло. И если со мной что-нибудь случится, здесь можно будет найти то, что мне удалось выяснить. Я только что добрался до Лос-Анджелеса. Последний отрезок пути занял восемь часов. Дикие пробки в Лас-Вегасе в воскресенье. Я этого не знал. Никогда раньше не был в Калифорнии. Мало где бывал за пределами Пенсильвании. Короче, я здесь и, думаю, завтра начну. Марти появляется в нашем маленьком городке недалеко от Ланкастера после десятилетнего отсутствия. Через два дня его убивают. Ясно, что он был в опасности, поэтому и сбежал из Лос-Анджелеса. Все, что мне нужно, это адрес, где Марти

жил в Лос-Анджелесе. С этого завтра и начну».

Глава 2

Пен

Пен паркует свой «Приус» на стоянке гостиницы «Маммот Маунтин Инн». Почему он представился «Битлом»? Битл – его псевдоним?

Она осматривает стоянку. Хотя обзор загораживают высокие сугробы, ей удастся заметить одного человека. Мужик в лыжных очках и шапочке стоит между красным пикапом и черным внедорожником.

Которая машина – его? Он стоит между ними, но ни одна из машин, кажется, ему не принадлежит. Почему он там стоит?

Она ждет еще несколько секунд и решает: «Черт с ним».

Отель «Маммот Маунтин Инн» находится рядом с горнолыжным подъемником. Пен идет мимо лифта и поднимается по лестнице. Пройдясь по коридору третьего этажа, находит комнату 302. В этот самый момент открывается лифт. Из него выходит тот мужик; очки теперь сидят поверх шапочки.

Пен поворачивает обратно. Быстро шагает по коридору. Оглядывается. Он идет за мной? Да, идет. Пен пускается бегом.

– Пенелопа?

Пен бросается вниз по лестнице. Но талый снег, зане-

сенный сюда лыжниками и сноубордистами, делает это рискованным предприятием. Пен поскользывается, пролетает вниз восемь ступенек и падает на площадку внизу. И не успевает встать – над ней склоняется тот тип в очках.

– Я Битл. У тебя все нормально?

Морщась от боли, Пен поднимает взгляд и видит, что незнакомец снял шапочку и очки. Не мужик. Почти подросток. Лет на десять моложе ее. На вид между семнадцатью и девятнадцатью. Может, двадцать.

– Ты Битл? Почему ты следил за мной на улице?

– Приходится быть осторожным. – Битл поднимает ее на ноги. – Ты цела?

– Даже не поднималась на гору, а уже здорово упала.

– Я сам сегодня утром здорово упал, когда пытался сделать тройной корк на семьсот двадцать¹⁴.

– Не знаю, что это такое; похоже, что-то трудное. Пройдем в твой номер?

Пен следует за Битлом. Коридор отеля выглядит уныло в сравнении с рустикальным шиком вестибюля.

– Извини, что не отправил ее тебе по электронной почте, – говорит Битл. – Не хочу оставлять след. Технологические компании любят публично выпороть кого-нибудь в назидание другим за продажу еще не выпущенных программ.

– Я понимаю.

¹⁴ К о р к – сложный прыжок на сноуборде, сальто назад с вращением вокруг своей оси (от 360 до 1620 градусов).

Битл подходит к комнате 303.

– Кажется, ты говорил триста два.

– Как я уже сказал, приходится быть осторожным.

Комната напоминает временное пристанище подростка-сноубордиста. Если не считать кучи компьютерного оборудования и электронных устройств. Из всех этих устройств Пен способна опознать только внешний жесткий диск.

Битл подходит к своему ноутбуку и убирает пустую коробку из-под пиццы, чтобы Пен могла сесть в кресло рядом с ним.

Потом загружает программу.

– Очень простая в использовании. Можешь ввести слово, часть фразы или целое предложение. Или можешь записать аудиоклип. И программа будет искать все похожие видео- и аудиофайлы.

– Значит, это как «Гугл» для аудиоклипов или ключевых слов из видеофайлов?

– Это и есть «Гугл». Там мой друг ее и взял. Они экспериментируют с ней в качестве инструмента поисковой системы. Скорее всего, лет через пять ее интегрируют в «Гугл» с доступом для всех.

Битл протягивает ей флешку.

– Деньги у тебя с собой?

– Ага. Но сначала я хочу увидеть, как она работает.

Битл возвращается к программе на своем ноутбуке. Он кликает на «Запись», говорит в микрофон компьютера:

«Тройной корк 720». Кликает на «Поиск». Выпадают тысячи совпадений.

– То есть на всех этих видео кто-то произносит эту фразу?

– Поиск не идеальный. Он может пропустить что-то, может включить несколько ложных совпадений, но, по сути, да. И это определенно лучше, чем иметь возможность искать только по цифровым текстам.

Пен открывает сумочку и достает конверт с деньгами. Битл быстро листает купюры – то ли считая их с поразительной скоростью, то ли вообще не считая.

– Я сейчас иду кататься. Хочешь, присоединяйся. Четырнадцатую вышку наконец открыли. Бэксайд¹⁵ там лучший.

– Мне нужно вернуться в Лос-Анджелес. Встречаюсь с продюсерской компанией. Я хочу попросить тебя еще кое о чем.

– Давай.

– Мне нужно опубликовать сообщение в Даркнете¹⁶.

– Та-а-к... – скептически тянет Битл.

– Ты можешь?

– Да. Это несложно. Но что именно ты хочешь?

– Мне нужно отправить кое-кому сообщение. Типа «СОС». И чтобы его не смогли заблокировать никакие пра-

¹⁵ Б э к с а й д – здесь: простой прыжок на сноуборде, разворот на 180 градусов против направления движения.

¹⁶ Д а р к н е т – Darknet, «темная сеть» (*англ.*), анонимная шифрованная виртуальная сеть, «подпольный интернет».

вительственные брандмауэры.

– Не очень понимаю. Кто будет искать твой «СОС» в Даркнете?

Пен игнорирует его вопрос.

– Сколько это стоит? Загрузить сообщение в Даркнет?

– Сделаю еще за пятьсот.

– Хорошо. – Пен достает еще пять стодолларовых купюр и передает их Битлу. Кидает ему флешку. – Здесь аудиоклип.

– Только сначала я должен его прослушать.

– Зачем?

– Я не против сбросить его, но мне нужно знать, что там. Не собираюсь портить себе репутацию.

– О чем ты говоришь?

– Даже у кодеров есть свои коды¹⁷. Короче говоря: никакого детского порно, никакого терроризма.

Битл загружает аудиозапись с флешки.

«Папа, это я, Пенелопа. Надеюсь, ты меня слышишь. Я приближаюсь к тому, чтобы прыгнуть, однако пока мне это не удалось. Дай мне знать, где ты и как я могу туда попасть. Если сумеешь определить, в какой симуляции ты находишься, это помогло бы мне туда добраться. Связывайся со мной здесь, не опасаясь вмешательства правительства. С любовью, Пен».

Битл смотрит на Пенелопу, ища в ее лице знаки сарказма или иронии.

¹⁷ В оригинале игра слов: code (англ.) означатет и «код», и «кодекс, принципы».

И не находит.

Когда Пен было восемь лет, однажды ночью отец вернулся в их квартиру на Уилкоккс-авеню в самом сердце Голливуда. Он разбудил ее и рассказал, что сейчас выпивал в «Свинье и свистке». Флиртовал там с барменшей – та сказала, что у нее есть парень, но все же взяла его номер телефона «на дождливый денек». А потом он сказал, что пошел в туалет и, стоя у писсуара, выронил бутылку с пивом. Наполовину полную. Бутылка упала с пяти футов и приземлилась на кафельный пол. Не разбилась и не пролилась. Он сказал Пен, что тот бар особенный, историческая достопримечательность. И он сказал Пен, что мир не таков, как думают люди. Два года спустя, в другую ночь, оставив Пен с няней, он не вернулся домой.

– Можешь загрузить? – спрашивает Пен.

Битлу удастся прийти в себя.

– Да, загружу сегодня.

– Спасибо. И дашь знать, когда он мне ответит?

– Ага.

* * *

Пен ждет в холле «Сикрет Робот Продакшенз». Дорога от Маммота до Лос-Анджелеса заняла пять с половиной часов. На шоссе 395 дул боковой ветер со скоростью восемьдесят миль в час. Пен боялась, что ветер снесет ее машину с шоссе. Поэтому пришлось ехать медленно.

Она нервничала из-за своего трехминутного опоздания, но теперь сидит здесь, в холле, уже двадцать минут.

– Пенелопа?

Пен поднимает взгляд и видит молодую блондинку, чья осанка, блузка, серьги и работа предполагали, что ей не потребовалось ни цента кредита, чтобы учиться в университете Лиги плюща.

– Да. Пен.

– Рада встрече. Ребята вас ждут. Хотите что-нибудь выпить?

– Нет. Спасибо.

Блондинка придерживает для Пен дверь конференц-зала. Мэтт и Джамал встают ей навстречу. У обоих здоровенные плечи и широкие улыбки.

– Пенелопа? Я Мэтт. Рад встрече.

– Джамал. Спасибо, что пришли.

– Не за что. Спасибо, что пригласили.

Пен садится в одно из двенадцати кресел на роликах. Его кожаная обивка скрипит.

– Как ваш день? – спрашивает Джамал.

– Хорошо. Да, хорошо.

Мэтт подается вперед.

– Послушайте, мы хотели пригласить вас на общую встречу, но ваш агент сказал, что вы работаете над новой идеей, и мы хотели бы об этом услышать. И хотим добавить, что мы в восторге от вашего короткометражного фильма «Летающий

объект».

– О, спасибо.

– Каков был бюджет? – спрашивает Мэтт.

– Никакого по сути. У меня не было бюджета. Пара друзей помогли, но...

– Кто-то из крупных компаний сделал для вас спецэффекты бесплатно? – спрашивает Джамал.

– Какие спецэффекты?

Мэтт смеется. Джамал хихикает.

Мэтт добавляет:

– «Близкие контакты» в моей пятерке фаворитов. С тех пор еще ни один фильм про НЛО не производил на меня такого впечатления, как ваш. Да, пусть это и короткометражка, но вы молодец.

– О... ну, спасибо.

Пен знает, что он имеет в виду фильм Спилберга «Близкие контакты третьей степени», но она его никогда не смотрела.

– А решение сделать псевдодокументалку? Умно. Особенно при сегодняшнем кинорынке. Я всегда любил «Это Spinal Tap»!¹⁸. Люблю прием, когда история рассказывается в стиле документального фильма.

– Я должен спросить. Как вам все-таки удалось это инсце-

¹⁸ Комедийный фильм Роба Райнера (1984) о вымышленной хеви-метал-группе Spinal Tap («Спинномозговая пункция»), один из самых известных в жанре псевдодокументального кино.

нировать? – спрашивает Мэтт.

– Инсценировать?

Мэтт смеется.

– Понимаю. Фокусники и их фокусы. Мы позволим вам сохранить тайну. Просто знайте, что мы – ваши фанаты и хотим найти проект, который будем делать с вами вместе.

– Расскажите нам о своей новой идее? – спрашивает Джамал.

Пен не знала, что от нее ожидали предложения нового проекта. Она думала, это просто встреча. И все же была рада поделиться темой, над которой работала.

– Конечно. Не возражаете, если я встану?

– Как вам удобнее, – говорит Мэтт.

Она прокручивает в голове идею и, поразмыслив тридцать секунд, прерывает молчание:

– Вы когда-нибудь слышали о Доме Пандоры?

Оба мужчины мотают головами.

– Его иногда называют Фрактальным¹⁹ домом. Бункером. Домом тоннелей. Подземкой. Но чаще всего – Домом Пандоры.

– Так. – Мэтт подается вперед.

– Он устроен как дом-айсберг.

¹⁹ Фрактал – геометрическая фигура с эффектом самоподобия, чьи конструктивные части повторяют фигуру в целом или сильно напоминают ее; в обыденной речи фракталами могут называть сделанные с использованием кричащих цветов изображения, в той или иной степени напоминающие наиболее причудливые по форме подлинные фракталы.

– Что такое дом-айсберг? – спрашивает Джамал.

– Это такие дома, в которых можно увидеть только десять процентов, а девяносто процентов здания находятся под землей.

Они заинтригованно кивают, а Пен продолжает:

– О Доме Пандоры ходят разные слухи. Некоторые говорят, что архитектор Заха Хадид получила восьмизначную сумму за разработку суперсекретного подземного дома в Южной Калифорнии, но ей пришлось подписать соглашение о неразглашении, поэтому никто не знает, где он находится. По другим слухам, сайентологи начали строительство бункера за двести миллионов долларов, но на полдороге забросили проект и продали его паре миллениалов, чьи родители заработали миллиарды в эпоху дот-комов, и те используют дом для роскошных вечеринок длиною в неделю. Некоторые утверждают, что именно здесь живут те самые люди-ящеры. Другие говорят, что дом был построен правительством США в качестве убежища для одного процента элиты на случай апокалипсиса.

– А кто-нибудь видел этот дом? – спрашивает Мэтт.

– Многие утверждают, что видели. Трудно знать наверняка. Некий Чарли Деннис, бухгалтер из Пасадены, однажды исчез. В один прекрасный день не пришел на работу. Это попало в прессу, устроили большое расследование по делу о пропавшем без вести. Полгода спустя он вдруг появился и заявил, что заплутал в одном доме и все это время искал

выход. Я пыталась взять у него интервью, но он уже два года находится в закрытой психиатрической лечебнице в Санта-Барбаре.

– У меня мурашки по коже, – говорит Мэтт.

– Некоторые люди говорят, что дом находится в Бичвуд-Каньон, прямо здесь, в Лос-Анджелесе. Я слышала, как называли Сайпресс-Парк, Глассел-Парк. Другие говорят, что в Анза-Боррего. Палм-Спрингс. В интернете есть свидетельства о том, что одна компания проводила экскурсии по дому за полторы тысячи долларов, но власти Калифорнии закрыли эту компанию еще в 2016 году. Какие бы из этих слухов ни оказались верны, общее в них то, что дом, похоже, нарушает законы физики. Целые комнаты залиты светом без каких-либо окон или ламп. Там бесконечное эхо, и, если проиграть музыку, она будет звучать вечно.

– Отличный сеттинг для фильма или сериала о доме с привидениями! – вставляет Мэтт. – О каком формате вы думаете? Художественный фильм? Триллер в стиле «Блумхаус»²⁰?

Пен колеблется, чувствуя, что они ее не поняли.

А Мэтт продолжает:

– Мы должны будем поговорить с нашим боссом, но звучит интересно, и, думаю, нам удастся получить деньги на разработку сценария. Вы ведь с этого собираетесь начать?

²⁰ «Блумхаус продакшнз» – американская кинокомпания с нетрадиционным подходом к жанру ужасов, приобретшая известность благодаря малобюджетным картинам с огромной прибылью.

Со сценария?

Или можно взять несколько тысяч и снять концептуальную видеопрезентацию, знаете, типа атмосферный трейлер.

– Деньги нужны мне в основном на расследование, – говорит Пен.

Джамал и Мэтт переглядываются, ждут друг от друга, кто первый ответит.

– Деньги есть деньги, – говорит Мэтт. – Я имею в виду, если мы купим идею, вы сможете использовать деньги на все что захотите.

– Я не планирую писать сценарий. Мне нужны деньги для поиска этого места, а потом мне понадобится команда, чтобы задокументировать, как мы туда входим.

– Значит, предпочитаете жанр документального фильма? – спрашивает Мэтт. – Про поиск мифического дома? То есть вы думаете о псевдодокументалке?

– О документальном фильме. Я сейчас перечислила слухи о доме, но у меня есть собственная теория. Следование этой теории и станет предметом документального фильма.

Мэтт прищуривается, потом кивает.

– Так, а в чем состоит теория?

– Мне придется сначала немного объяснить. Вы знакомы с гипотезой симуляции?

– Идея о том, что мы все живем в симуляции, – говорит Мэтт. – Конечно. Матрица.

– С той скоростью, с какой развиваются компьютерные

технологии, как по-вашему, через сколько лет мы научимся разрабатывать достаточно сложные симуляции, чтобы люди внутри них не знали, что живут в симуляции?

– Да, помню, слышал об этом в одном подкасте, – говорит Джамал.

– И все-таки я прошу вас ответить. Сколько лет?

– Может, лет сто, – предполагает Мэтт.

Пен смотрит на Джамала.

– Триста? – высказывает он догадку.

– Значит, вы оба признаете, что существует реальная вероятность того, что рано или поздно мы создадим симуляции, в которых люди не знают, что их мир нереален. На этом этапе компьютеры смогут создавать почти бесконечное количество симуляций.

Скажем, миллионы. Если в будущем возможны миллионы симуляций, где люди не знают, что их мир нереален, то каковы шансы, что мир, в котором мы сейчас живем, является симуляцией, а не реальностью?

– От такой мысли взрывается мозг, – говорит Мэтт.

– Если мы живем в симуляции, то в ней, естественно, возникали бы ошибки. Аномалии. Мелкие недочеты в программе. И на Земле было бы несколько мест, где встречаются ошибки в симуляции. Как, например, зеленый луч²¹. Или

²¹ З е л е н ы й л у ч – проблеск зеленого света, наблюдаемый во время восхода и заката при строго определенных условиях и в основном с помощью оптических приборов.

платье.

Мэтт и Джамал смотрят на нее непонимающе.

– Видели фотографию платья, которая появилась в интернете в феврале пятнадцатого года? Фотография облетела весь мир, потому что одни люди видели платье черно-синим, а другие видели его бело-золотым. Десять миллионов человек обсуждали это в «Твиттере».

Джамал достает телефон. Гуглит платье. Щелкает по картинке.

– Что вы имеете в виду? Оно черное с синим.

Мэтт заглядывает через плечо Джамала и говорит:

– Шутишь, да? Оно белое с золотом.

Джамал и Мэтт озадачены, но стараются этого не показывать. Словно боятся выглядеть простачками, попавшись на фокус.

– Вот видите. Короче, существуют аномалии. Как Дорога Би-мини²². Или пирамиды. Их не так много. В нашей симуляции есть прорехи, и они могут быть выходом из нашей симуляции или переходом в другую симуляцию. Для прыжка.

– Прыжка? – спрашивает Мэтт.

– Прыжка в другую симуляцию. Чтобы путешествовать по бесконечным мирам за пределами нашего. И я думаю, что Дом Пандоры – как раз одна из таких прорех. Я хочу перейти

²² Д о р о г а Б и м и н и – семисотметровая полоса известняковых блоков в районе одноименной цепи островов Багамского архипелага, многими считающаяся остатком сооружения некой древней цивилизации (в т. ч. Атлантиды).

в другую симуляцию и задокументировать переход.

Мэтт ерзает на стуле, а Джамал так широко раскрыл рот, словно он на приеме у дантиста.

Мэтт приходит в себя первым.

– Пен, это очень интересно. Вы дали нам много пищи для размышления. Как я уже сказал, нужно поговорить с нашим боссом, так что да, мы... э-э... мы с вами свяжемся.

– Хорошо. Спасибо, что пригласили меня, – говорит Пен.

* * *

Дэниел ведет Пен к своему кабинету в походящем на крепость офисном здании актерского агентства «Бикон Тэлэнт Эдженси», известном в шоубизнесе как «БТЭ». Она никогда не видела своего агента ни в чем, кроме костюма, и никогда не видела его дважды в одном и том же костюме.

Он предлагает ей сесть.

– Мэтт и Джамал звонили.

– Да?

– Что именно ты там наговорила?

– Хочешь, чтобы я пересказала тебе всю идею?

Дэниел бросает взгляд на свой телефон.

– Нет. У меня запланирован телефонный разговор через десять минут.

– Что они сказали? Мне показалось, что они хотят поговорить обо мне со своим боссом.

Дэниел чешет голову, которая выглядит не такой лысой, как пару месяцев назад.

– Послушай, не хочу сейчас слишком углубляться в теории заговоров, окей? Я тебе верю. Но, думаю, ты совершаешь ошибку, вываливая все на первой же встрече. Дай им приманку. Людям нравятся загадки. Интриги. Прелюдии.

– Ясно...

Пен ни от кого не слышала слово «прелюдия» с тех пор, как в их прошлую встречу Дэниел использовал это слово как метафору.

– Знаешь, сколько мне звонит людей, которые хотят знать, как тебе удалось создать такое убедительное видео с НЛО? Ты должна дать этим людям то, что они хотят.

– То есть?

– То есть если «Сандэнс»²³ хочет вручить тебе приз за лучший сюжетный фильм, не настаивай, что его следует рассматривать только как документальный.

У Пен вышел спор с ребятами из «Сандэнс». И с Дэниелом тоже. По ее мнению, было бы нечестно получать награду за лучший сюжетный фильм, если ее фильм – документальный. Фильм привлек так много внимания прессы из-за дебатов о том, к какой категории его следует причислить, что люди стали говорить, будто Пен могла сама раздуть этот спор, чтобы получить больше известности. Но Пен снимала

²³ *Англ. Sundance Film Festival* – знаменитый американский фестиваль независимого кино.

видео не для того, чтобы заявить о себе как о режиссере. Она начала расследовать НЛО, когда заподозрила, что это на самом деле некие летающие объекты, проскальзывающие в наш мир из других симуляций.

– Но мой фильм – документальный.

– Ладно, не будем заикливаться на мелочах. Я лишь хочу, чтобы ты заработала денег.

– Ты хочешь сам заработать денег.

– Да. Мне платят, когда платят тебе. Я хочу, чтобы нам обоим платили. А чтобы нам обоим платили, ты не должна рассказывать на презентации... Ты сказала им, что тебе нужны деньги, чтобы отправить исследовательскую группу в другое измерение?

– Измерение? Нет.

Дэниел, кажется, испытал облегчение.

– Хорошо. Я так и думал, что он преувеличивает.

– Не измерение. В другую симуляцию.

Дэниел смотрит на Пен. Облегчение испарилось.

– Что?

– Как ты думаешь, через сколько лет мы научимся создавать компьютерные симуляции настолько продвинутые, что люди в этих симуляциях не будут знать, что они в симуляции?

– Пенелопа, мне позвонят через пять минут. Давай поговорим в следующий раз. Я направлю тебя и в другие студии. Но ты должна сосредоточиться на презентации конкретно-

го фильма или телепроекта, хорошо? Тебе подписать парковочный талон?

* * *

Пен мчалась по бульвару Сансет до Топанга-Каньона наперегонки с заходящим солнцем и в конце концов свернула на грунтовую дорогу, ведущую к «Велостанции Топанга-Крик», семейному магазину хипстерских велосипедов. Хозяева магазина с радостью сдали ей в аренду бунгало на своей территории всего за девятьсот долларов в месяц наличными, поскольку не имели разрешения на использование его в качестве жилья. Правда, хозяйева совсем не обрадовались, обнаружив, что Пен превратила его в импровизированную клетку Фарадея²⁴, чтобы в бунгало не могли проникнуть электромагнитные волны.

Пен входит в дом, и в тот же миг ее айфон подает звуковой сигнал. До заката осталась минута. Она берет рюкзак, лежащий у задней двери. Подходит к ящику, в котором хранит различные минералы и куски металлолома. Выбирает кусок стали и выходит через заднюю дверь. Отсюда, с холма, открывается прекрасный вид на океан в полтора милях впереди. Солнце, словно шарик желтого масла, тает на линии

²⁴ К л е т к а Ф а р а д е я – в широком смысле – любое средство для защиты от проникновения электромагнитных волн, включая, например, такое, как знаменитая шапочка из фольги.

горизонта. Пен проверяет, плотно ли застегнут рюкзак. Вытягивает перед собой руку с куском стали. И смотрит на заходящее солнце. Готовится к прыжку.

Каждый день на закате пирс Санта-Моники заполнен сотнями туристов, пытающихся запечатлеть знаменитый зеленый луч. Этот зеленый луч ей показал отец как знак того, что они живут в симуляции. Пен тогда было восемь лет. Два года спустя, когда отец исчез, Пен пришла к выводу, что он нашел брешь в их мире и прыгнул. Однако Мигель Санчес, полицейский детектив, занимающийся пропавшими без вести, с ней не согласился.

Пен держит перед собой кусок стали. Но желтый шарик исчезает, закат сменяется темнотой, а зеленого луча нет.

Она идет обратно в дом. Записывает в дневнике: «Пробовала сталь, ЗЛ не было».

Не обращая внимания на урчащий живот, Пен загружает новую программу, нажимает «Запись» и говорит в микрофон: «Дом Пандоры». Открывает форму расширенного поиска, переносит в нее аудиоклип и печатает: «или». Говорит в микрофон: «Фрактальный дом». Добавляет другие варианты: «Дом фракталов», «или», «Дом тоннелей».

В форме поиска заключает свои аудиоклипы в скобки и печатает: «и». Добавляет аудиозаписи: «Калифорния». «Или». «Лос-Анджелес».

Пен нажимает «Ввод». Выпадает двести сорок шесть результатов.

– Ну, Битл, хакер-сноубордист, ты молодец.

Пен давно уже изучила все обычные результаты поиска «Гугла» для «Дома Пандоры». Перечитала все ветки «Реддита»²⁵ и сайты охотников за привидениями, в которых упоминался Дом. Но обычный поиск не охватывает видео- и аудио-файлы.

На первом видео шестнадцатилетняя девочка говорит: «Сегодня мне нужно было сделать доклад о ящике Пандоры по Эдит Гамильтон»²⁶. Думаю, получилось неплохо, только бесило, что Фредди постоянно засыпал меня вопросами, почему-то называя его Домом Пандоры. А после уроков была репетиция группы поддержки, и я так опозорилась...»

Во втором видео художник показывает свои картины. «Следующую картину я назвал “Дом фракталов”. Когда я был маленьким, мама на одной математической конференции купила мне футболку с изображением фрактала. Мне нравился рисунок на футболке, хотя в то время я был слишком мал, чтобы понимать, что такое фрактал...»

Пен возвращается к результатам поиска, надеясь, что не все двести сорок шесть файлов окажутся пустышкой.

После восьмидесяти шестого видео она больше не может игнорировать свой урчащий живот.

²⁵ Англ. R e d d i t – популярный сайт, позиционирующийся как «заглавная страница интернета» и объединяющий функции новостного агрегатора, коллективного блога и форума.

²⁶ Э д и т Г а м и л ь т о н (1867–1963) – известная американская писательница и педагог, автор популярного переложения древнегреческих мифов.

Пен ест жареную лапшу, купленную навynos, и просматривает остальные видео. Уже за полночь она переходит по ссылке сайта под названием «Моя грязная Калифорния».

На странице сверху написано «25.03.19». Под датой – видеофайл. Пен нажимает «Воспроизвести».

Мужчина с голым торсом и кучей татуировок на теле говорит на камеру. Ему, наверное, около тридцати.

«Я должен был встретиться с одной мексиканкой по имени Рената, чтобы вместе позавтракать, но она не явилась. Она совсем недавно приехала в США, и у нее нет мобильного, так что все по-старинке – либо приходишь, либо нет, и никакого способа прислать сообщение “опаздываю на час”. Рената классная. Я познакомился с ней, когда играл в футбол, и мы хотели погулять вчера вечером, но она решила пойти на экскурсию в какой-то дом. Она назвала его “Дом Пандоры” или как-то так. Я сейчас его загуглил, и стало интересно. Почитал информацию в некоторых ветках “Реддита” и на паре сайтов охотников за привидениями. Там пишут довольно странные вещи. Один парень на “Редди-те” утверждал, что он проник в дом с бесконечным количеством комнат. Причем снаружи дом выглядит как самый обычный, а внутри уходит глубоко под землю. И он еще пишет, что кто-то другой пропал там на шесть месяцев. Я обычно не интересуюсь такими вещами, но звучит довольно круто».

На этом видео заканчивалось.

Несколько секунд назад у Пен слипались глаза, теперь же

она полностью проснулась и прокручивает результаты поиска, высматривая другие видео с сайта «Моя грязная Калифорния». Находит еще одно – с датой 16.04.19 – и открывает. Снова тот же парень, теперь в рубашке, говорит в камеру:

«Почему-то опять начал думать о той мексиканке Ренате. Вспомнил, как она говорила, что на экскурсию ее собирался взять промоутер по имени Эббот. Я его разыскал, поговорил с ним по телефону. Он сначала сказал, что, кажется, знает Ренату, а потом сказал, что не знает.

Я пошел к нему в офис, но в тот день его не было на работе, и он мне не перезвонил. Потом я снова пошел в его офис, а его коллега заявил, что Эббот уехал в Таиланд навсегда. Это прозвучало как-то жутковато. Когда Рената прокатила меня с завтраком, я особо не переживал. Ну уязвленное мужское самолюбие, типа “как она могла?..”. Но вообще-то ерунда. К тому же я не мог ей позвонить, поэтому сказал себе: “Ну и черт с ней”.

Теперь эта история меня тревожит, и Дом Пандоры не выходит из головы. Она говорит, что идет на экскурсию, и больше о ней никто ничего не слышит? Может, она кого встретила и уехала с ним в Цинциннати, кто знает. И все же я беспокоюсь. Я еще искал информацию о Доме Пандоры. Попадают всякие байки и теории заговоров. Я, наверное, еще немного поищу и постараюсь связаться с этим парнем, Эбботом».

Видео закончилось. Пен берет ручку и блокнот. Записыв-

вает: «Моя грязная Калифорния, пропала Рената, экскурсия по Дому Пандоры, Эббот».

Пен находит еще одно видео с сайта «Моя грязная Калифорния». Здесь другой мужчина говорит в камеру. Он похож на первого, но немного старше, хотя... на его лице меньше морщин, так что, может, и моложе. И он, видимо, не брился несколько недель. У него борода – не стильная, а просто отросшая.

«Привет, это Джоди. Запись номер шестьдесят четыре. Вчера я потратил весь день на поиски девушки по имени Рената. Марти, похоже, считал, что она пропала без вести. Он упомянул, что Рената собиралась на экскурсию по странному дому, который он назвал “Дом Пандоры”. Ни о доме, ни о Ренате я ничего толком не нашел. Марти озадачило исчезновение девушки, но, возможно, она просто не пришла на свидание, и ему захотелось выяснить почему. Поразмыслив, я вычеркнул это из списка. У меня нет причин думать, что Марти убили в Ланкастере, штат Пенсильвания, из-за девушки по имени Рената».

Видео заканчивается. Пен записывает: «Марти убили? Кто-то по имени Джоди расследует смерть Марти и считает, что его смерть не связана с Домом Пандоры».

Пен возвращается к результатам поиска. Она прокручивает список вниз. Других видео с того же сайта не находит. Добавляет ключевые слова «моя грязная калифорния» к первоначальным параметрам поиска. Результатов больше нет.

Тогда она переходит на сайт «Моя грязная Калифорния». Здесь несколько сотен файлов, помеченных датами. Она прокручивает вниз и находит другой список ссылок, над которым написано «Джоди Моррел». Она выбирает наугад видео Джоди. Это второй парень, говоривший в камеру. Тот, который старше, но с меньшим количеством морщин.

Его борода стала длиннее.

«Это Джоди Моррел. Запись номер девяносто два. Я начинаю думать, что напрасно оставил свое лекарство в Пенсильвании. Некоторое время я чувствовал себя без него лучше. Однако теперь мне трудно уснуть. Шайло говорит, что мне мешает спать лай Рори. Но сейчас собака не лает, и тишина не дает мне спать всю ночь. Когда я не сплю, все становится как в тумане. В голове мелькают разрозненные картинки. Уайатт. “Понтиак”. Список автомобильных номеров. Убийца. Роллер. А потом я начинаю во всем сомневаться и думать, что, может, в Ланкастере был просто грабитель или какой-то сумасшедший. И мой видеожурнал стал просто способом заглянуть в зеркало своей души. Или, может быть, все это шарада, способ помешать себе заглянуть в свою душу. Жаль, что я поссорился с Шайло. Боюсь, я в нее влюблен. Шайло говорит, что я должен все это бросить. Она говорит, что мне проще занять себя каким-то делом, чем горевать и оплакивать, но я сомневаюсь».

Литературный агент кинокомпании «БТЭ» Дэниел Хадсон в наушниках «Эйрподс» ведет Пен в свой кабинет. Пен садится на кожаный диван.

– Все остальное хорошо? – спрашивает Дэниел.

– Ага, – говорит Пен.

Дэниел отмахивается от Пен, указывая на свои наушники.

– Хорошо, отлично. Не парься по этому поводу. Всех увольняют. Кто-то должен написать книгу с таким названием. Типа взрослой версии «Все какают»²⁷. Мы постараемся как можно скорее устроить тебя в новое шоу. Окей? Ну, давай.

Дэниел снимает наушники.

– Что у тебя?

Пен не спала всю ночь, просматривая видео на сайте «Моя грязная Калифорния». Она удерживает себя от желания показать их Дэниелу, зная, что через минуту у него будет встреча или звонок. Ей сказали, что агентство работает командами, и она подписала контракт с командой из трех агентов. Но через два месяца одного из ее агентов уволили за сексуальные домогательства. Другая была одной из пострадавших

²⁷ «В с е к а к а ю т» – один из супербестселлеров японского детского автора Таро Гоми, впервые опубликованный в 1977 г. и переведенный на английский в 1993 г.

и уволилась сама. Команда из трех человек превратилась в команду из одного Дэниела. И, похоже, работа Дэниела заключается в поиске и подписании контрактов с клиентами, а не в работе на клиентов.

– По-моему, я нашла подход к идее Дома Пандоры, – говорит Пен.

– По-моему, мы это уже обсуждали.

– Я нашла блог одного парня, Марти. Называется «Моя грязная Калифорния». Там сотни видео. Заметки. Фотографии.

– Угу. – Дэниел начал проверять свою электронную почту.

– Но его убили.

Дэниел поднимает взгляд от своего компьютера.

– Убили?

– Да. Он навещал своего брата и отца в Пенсильвании, и его убили. И отца тоже.

– Серьезно?

– Да. Его старший брат, Джоди, приехал в Лос-Анджелес и пытается найти убийцу. Он рассказывает о своем расследовании на сайте своего брата.

– Мне это нравится. Загадочное убийство. Детектив.

– Дальше еще интереснее. Оказывается, Марти искал девушку, которая исчезла после того, как собиралась на экскурсию по Дому Пандоры. С тех пор ее никто не видел. Она прыгнула, Дэниел. Ушла из этой симуляции. Марти это понял; в результате люди из правительства или кто-то еще, кто

пытается замести следы, убили Марти.

– Здорово. Круто. Можно продать.

– Да?

– Да. Реальные истории преступлений сейчас в моде на экране. О. Джей Симпсон²⁸. «Охотник за разумом». «Грязный Джон».

Этот... как его... Неважно. Да, я мог бы это продать. Но, думаю, надо сосредоточить внимание на братьях.

– Верно. Идея в том, что один брат пытается выяснить, что такое обнаружил его погибший брат, из-за чего его убили.

– Что-то вроде. Слушай, поменьше фокусируйся на этом Доме Пандоры. Своими разговорами о симуляциях ты только смущаешь людей.

– Что?

– Я пытаюсь защитить твою репутацию.

– Я не одна придерживаюсь такой точки зрения. Илон Маск сказал, что есть один шанс на миллиард...

– Один на миллиард? Да ты что, Пен. Это как сказать: ноль шансов, что мы живем в симуляции.

– Он сказал, что есть один шанс на миллиард, что мы не живем в компьютерной симуляции.

– Илон Маск – шарлатан.

– Сказал парень, который водит «Теслу».

²⁸ Имеется в виду первый сезон сериала «Американская история преступлений», посвященный делу знаменитого игрока в американский футбол и актера О. Джея Симпсона, который в 1994 году был обвинен в убийстве бывшей жены и ее друга и оправдан, несмотря на огромное количество улик.

– В общем, по моему мнению, тебе следует воздержаться от элемента «Дом Пандоры».

Пен не намерена «воздерживаться от элемента “Дом Пандоры”». Ее отец два года искал брешь, до того как исчез. С широко раскрытыми глазами и веселой улыбкой он говорил Пен: «Вот вопрос, тыковка. Когда мы найдем брешь, у тебя хватит смелости в нее прыгнуть?» В последние несколько недель он был уверен, что брешь находится в каком-то доме, точнее, в подвале. Но когда отец исчез, ей никто не поверил. Одни люди думали, что он сбежал из города. Другие – что его убили. Третьи – что он в Палм-Спрингс, потому что ездил туда три выходных подряд до той ночи, когда исчез. Мать Пен, которая жила в Сент-Луисе, сказала полиции Лос-Анджелеса, что он, вероятно, в Вегасе. Это разозлило Пен, потому что мать не разговаривала с ней и ее отцом целых три года. Никто не верил Пен.

Ее опекуном стала бабушка, и Пен пришлось переехать в Палмдейл. Одноклассники ее не понимали. В восьмом классе она сделала доклад на уроке географии по статье оксфордского профессора Ника Бострома под названием «Живете ли вы в компьютерной симуляции?». Статья была в «Философском ежеквартальном журнале» за 2003 год.

Со временем ей надоело ловить на себе недоуменные взгляды, когда она пыталась говорить с людьми об аномалиях и возможных переходах. Поэтому в подростковом возрасте она начала снимать видео, понимая, что одни только

слова никого не убедят.

Окончив старшие классы, Пен поступила в киношколу Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Но чем бы она ни занималась, Пен не прекращала поиски. А поиски неизменно приводили ее к Дому Пандоры.

Дэниел продолжает:

– Понимаешь, надо основываться на реальности.

– Реальность – всего лишь иллюзия, хотя и очень настойчивая, – говорит Пен.

– Вот именно это я имею в виду. Люди отворачиваются от тебя, когда ты выдаешь эти странные фразы.

– Не я придумала эту фразу. Альберт Эйнштейн.

– Слушай, парень приезжает в Лос-Анджелес, чтобы выяснить, что случилось с его братом. Это шикарная завязка. Детектив-любитель. Пен, сюжет шикарный, и люди будут готовы тебе заплатить, чтобы снять по нему фильм. Как там сейчас обстоит дело? Брат нашел что-нибудь?

– Пока не знаю. Видео на сайте очень обрывочные. Пожалуй, мне стоит его разыскать.

– Хорошо, думай над этим. Ищи. Сосредоточься именно на братьях. Убитом и детективе. Подготовь презентацию, может, в виде альбома, и мы это со свистом продадим.

Глава 3

Рената

Там, откуда она пришла, светит жаркое солнце. На этой стороне солнце тоже печет. Прошло два дня с тех пор, как она прыгнула из одного мира в другой.

Сначала, когда ей исполнилось восемнадцать, Рената планировала пересечь границу по подземному туннелю длиной в четыре тысячи триста метров, который шел из Тихуаны до складского района Отай-Меса под Сан-Диего. К сожалению, тот план провалился. Теперь, год спустя, она пересекла границу к северу от Мехикали.

Переправились они благополучно, однако пограничный город Калексико считался небезопасным. Проводник, чья борода и волосы были серо-рыжего цвета, словно мех койота, пройдет с ними еще двенадцать миль до Эль-Сентро, где их уже не достанет пограничный патруль США, где они смогут сесть на автобус и добраться куда захотят.

Две ивы предлагают короткую передышку от солнца. Из дюжины путешественников половина ест припасы из своих сумок. Другая половина, без еды, дает отдых глазам.

У Ренаты осталось всего десять унций воды. Она сидит на берегу реки Нью-Ривер и думает, не наполнить ли бутылку. Но вода покрыта слоем белой пены, попадающей сюда из

озера Солтон-Си. Пена напоминает Ренате о том, как в детстве она купалась в ванне, и это воспоминание вызывает в ней тоску по старшему брату Габриэлю.

Три года назад Габриэль переехал в Селайю и устроился работать на автомобильный завод «Хонда». С тех пор она видела его всего дважды – в один из этих двух случаев он приезжал на похороны их родителей. Рената старается выкинуть из головы мысли о брате и вместо этого думает о друге их семьи, Марко, которого скоро увидит в Лос-Анджелесе впервые за десять лет. Она покинула родной дом четыре дня назад, и ее то и дело охватывает грусть. Всякий раз, начиная скучать по человеку, событию или месту, Рената напоминает себе, что надо смотреть в будущее.

Сидящая рядом с ней женщина лет шестидесяти держит на руках ребенка. Рената строит малышке рожицы. Девочка хихикает. Рената и женщина обмениваются улыбками. Соседка Ренаты, Де-бра, которой за шестьдесят, готовила лучшие тако с креветками. Но будут новые соседи. За все, что осталось позади, впереди ее что-то ждет.

Проводник надевает широкополую шляпу и свистит. Они продолжают свой путь вдоль реки. Рената идет рядом с пожилым мужчиной по имени Хорхе – он направляется в Лос-Анджелес к сестре и племянникам. Вчера Хорхе спросил у Ренаты, почему она покинула страну. Она хотела ответить «из-за пустоты», но солгала и сказала, что у нее тоже семья в Лос-Анджелесе.

После того как ее родители погибли при пожаре на упаковочном заводе, где они работали, обе пары бабушек и дедушек уцепились за Ренату. Печалась о погибших детях, они находили утешение в религии: родители отца – в своей христианской вере, родители матери – в своей вере в Санта-Муэрте²⁹. Удовлетворение, которое бабушки, дедушки и прочие родственники находили в религии, оставляло Ренате пустоту. Или, по крайней мере, заставило ее осознать уже существовавшую пустоту. Она продолжала работать в магазине серапе, зарабатывавшем больше на продаже мороженого, чем мексиканских накидок, но стала реже общаться с семьей. Ее лучшая подруга София без каких-либо объяснений начала пропадать с новыми друзьями в Агуа-Кальенте. Несколько увлечений, которые у нее были – игра в футбол на бетонном поле рядом со скейт-парком, выпечка сладостей с двоюродными сестрами и «Инстаграм» в интернет-кафе, – вдруг утратили всякую привлекательность.

Примерно в это же время двадцативосьмилетний механик по имени Луис зачастил в их магазин с подарками для Ренаты и предложениями вместе поужинать. Он был симпатичный, но на десять лет старше и не в ее вкусе, так что она все время отказывалась. Однажды – от скуки, тоски, одиночества или апатии – согласилась. После ужина он привел ее

²⁹ Santa Muerte (*исп.*) – Святая Смерть, божество культа, возникшего на стыке католичества и верований древних мексиканских индейцев и распространенного в странах Центральной Америки и на Юге США.

к себе домой в Зона-Рио. Они целовались; Рената ничего не чувствовала. А придя домой, ощутила пустоту сильнее, чем прежде. На следующий день она решила уехать, сказав себе, что должна осуществить мечту родителей о переезде в Соединенные Штаты.

После краткого отдыха они успели пройти около мили, когда Рената услышала испуганный возглас. Все головы обернулись на звуки машин.

Бело-зеленые внедорожники и пикап пограничного патруля. В восьмидесяти ярдах от них. Все обернулись к проводнику, но тот не дает указаний. Он уже бежит через реку вброд.

Остальные живо следуют за ним, надеясь пересечь реку шириной двадцать футов. Проводник уже на середине реки, когда Рената стряхивает с себя оцепенение, вызванное испугом, и шагает в воду.

Пожилая женщина хватает ее за руку. Умоляет взять ее внучку.

– Пожалуйста. Прошу тебя.

Рената тянется к девочке, чтобы перенести ее через реку, но потом отводит руки. Говорит, что ей жаль. Или, по крайней мере, она это думает.

Рената переходит реку вброд, держа сумку над водой, достигающей ей до плеч. Проводник выбирается на берег, затем бежит вверх по холму в сторону поля.

Внедорожник и пикап подъезжают к реке. Офицер погра-

ничной службы, мексиканец, кричит в мегафон на испанском, приказывая всем лечь на землю.

Рената уже на берегу. Бросает взгляд назад, прежде чем припустить вверх по холму. Пожилая женщина с внучкой на руках вошла в воду, но пограничник хватает ее.

Семеро патрульных преследуют убегающих иммигрантов. Рената втягивает в легкие горячий сухой воздух, взбегая в гору.

В сорока пяти ярдах слева от нее патрульные хватают толстого мексиканца. Рената взбирается на холм. Впереди – пустынная равнина. Здесь, ближе к реке, растут кусты и густая трава. Дальше – пусто. Песок и солнце. И несколько кактусов. Беги или прячься. А если прятаться, то здесь. Рената падает на землю. За кусты. Лежа на спине, подгребает песок, рвет траву со всех сторон и накрывает себя.

Она замирает. Смотрит на облака в небе. Слышит крики людей, пойманных патрульными. Рената лежит неподвижно, сосредоточивается на воздухе, входящем и выходящем из ее ноздрей. Через несколько мгновений рискует приподнять голову и посмотреть на реку. Девять из двенадцати иммигрантов, включая Хорхе, стоят в наручниках возле машин.

Подъезжают еще две машины пограничной службы.

Рената говорит себе, что если бы они заметили, как она упала на землю, то она уже была бы в наручниках.

Офицер пограничной службы выпускает из внедорожника четырех собак. Собаки бегут прямо к реке. Они переплы-

вают ее, выходят на берег и начинают обыскивать поле, где прячется Рената.

Рената снова смотрит на облака. Две собаки бросаются на молодого парня, который прятался на поле метрах в тридцати от Ренаты. Он пытается встать и бежать. Они преследуют его, кусая за ноги. Парень поднимает руки – сдается.

Рената вжалась в землю. Смотрит на облака. Вспоминает гамак на заднем дворе ее друга Рауля, откуда они наблюдали за облаками. Через сорок пять секунд к Ренате подбегает собака. Обнюхивает. Издаёт встревоженный лай. «Тс-с-с. Silencio³⁰. Все хорошо. Silencio».

Собака продолжает лаять. Рената ловит себя на мысли о Санта-Муэрте и о бабуле Лите. За день до ее отъезда Лита к ней обратилась. Рената рассказала о своем плане только одной подруге. Лита либо узнала, либо догадалась, что Рената уезжает. Она сказала тогда: «Санта-Муэрте тебя найдет. От нее не убежишь».

Рената сует руку в карман и нащупывает пакетик с рисовыми лепешками. Прижимаясь к земле, бросает пакет как можно дальше от себя. Собака в несколько секунд разрывает пластик и принимается за угощение.

Рената закрывает глаза. Звук шагов приближается. Подходят двое патрульных.

– Что ты нашла, Сэди?

– Плохая девочка, Сэди. Не ешь это дерьмо.

³⁰ Тихо (исп.).

– Тебя послали искать фасолеедов, а не самой есть.

Патрульные смеются.

Собака лает в сторону Ренаты.

– Нет. Ты их не получишь!

– Иди! Ищи, – говорит второй.

Рената слышит глухой звук и скулеж собаки, которую ударили обутой в ботинок ногой. Собака убегает. Патрульные уходят налево от того места, где лежит Рената. Она ждет тридцать секунд и открывает глаза. Облака складываются в новые формы. Рената наблюдает за ними и улыбается. Gracias. Спасибо!

Страх не отпускал Ренату, пока она лежала в грязи и сорняках, дожидаясь, когда патрульные уедут. Страх не отпускал ее, пока она шагала последние шесть миль до Эль-Центро. Страх никуда не делся, пока она стояла в очереди в билетную кассу. Страх никуда не делся, когда она села в автобус.

Только когда она вышла в Лос-Анджелесе и от автовокзала доехала до Седьмой улицы, страх исчез. Тротуары забиты народом – с черной кожей, коричневой кожей, белой кожей. Бездомные в инвалидных колясках просили милостыню. Двое пожилых мексиканцев спорили из-за лотерейного билета. И Рената поняла, что ее никто не ищет. Она стала коричневой точкой в гигантском городе, полном разноцветных точек.

Она добралась до корейского квартала. До дома, где живет

друг ее семьи. Рената находит квартиру 204 и стучит. Нет ответа. Снова стучит. Слышит шаги с другой стороны. Но никто не открывает. Она стучит еще.

– Марко?

Наконец дверь открывается. Перед ней стоит китаянка.

– Тут нет Марко.

– Пожалуйста. Я ищу Марко. Он в квартире двести четыре.

– Это квартира двести четыре. Тут нет Марко. Извините.

От письма Марко, в котором он повторил свое давнее обещание помочь, когда она приедет в США, Рената оторвала клочок с адресом. Она показывает адрес китаянке.

– Пожалуйста. Вы уверены, что Марко здесь не живет?

– Я жить здесь десять лет. Нет Марко.

Китаянка закрывает дверь.

– Espere. Por favor³¹. Пожалуйста.

Но китаянка не открывает. Рената бредет к лестнице. Она сомневалась, бежать ли в Америку. И на каждом этапе пути сомневалась, что приняла верное решение. Но эти внутренние споры велись с уверенностью, что Марко – в Лос-Анджелесе. Что он поможет ей найти жилье и работу. Поможет получить гражданство. Без Марко, без этих его заверений не было бы и споров; она бы не приехала.

Дальше по коридору открывается дверь. Выходит мексиканец. Он несет пакет к мусоропроводу. Он выглядит стар-

³¹ Постойте. Пожалуйста (*исп.*).

ше, но Рената узнает его большое лицо и маленький нос. Она была маленькой, когда видела его перед отъездом в Калифорнию. Марко сказал родителям Ренаты, что она может приехать, когда станет постарше. После того как ее родители умерли, он прислал ей письмо, в котором напоминал, что все еще ее ждет.

– Марко? – спрашивает она.

– Рената? ¿Eres tú?³²

Она падает в его объятия.

Марко переходит на английский.

– От тебя пахнет просто ужасно.

Рената смеется.

– Все же ты приехала!

– Да. Я стучала в эту дверь – двести четыре.

– Я в двести девятой. – Марко берет у нее листок бумаги. –

Здесь бумага надорвана.

– Мне пришлось переходить реку.

– У тебя хороший английский, ты уже говоришь, как чикана³³, – улыбается Марко.

Когда ее первая попытка приехать в Калифорнию не удалась, Рената пришла в отчаяние. Ждать целых одиннадцать месяцев следующей попытки было тяжело. Но за это время она нашла сайт, где могла скачивать телесериалы бесплатно, и она посмотрела все двести тридцать шесть серий сери-

³² Это ты? (*исп.*).

³³ Ч и к а н о – прозвище мексикано-американцев.

ала «Друзья» на английском и без субтитров. Потом посмотрела все двести тридцать шесть серий с субтитрами. Потом посмотрела все двести тридцать шесть серий в третий раз, опять без субтитров.

Рената практиковалась в английском с Гектором, владельцем кафе рядом с ее магазином серапе. Гектор десять лет проработал в отеле в Империал-Бич, прежде чем вернулся из Сан-Диего в Камино-Верде.

– Заходи, заходи. – Марко ведет ее в квартиру 209. – Моя маленькая агава выросла.

Когда Рената была маленькой, у нее часто появлялись мурашки на коже. Марко говорил, что волоски на ее руках и ногах похожи на шипы агавы, и стал называть ее маленькой агавой.

– Спасибо тебе, – говорит Рената, разглядывая гостиную, которая выглядит гораздо красивее, чем в доме с жестяной крышей, где Марко жил раньше, на их улице в Камино-Верде.

– Не за что. Твой отец был одним из моих лучших друзей. Я бы что угодно сделал, чтобы тебе помочь.

Родители Ренаты, особенно ее отец, решительно заявили, что хотят, чтобы она уехала в Соединенные Штаты, когда ей исполнится восемнадцать. Рената решительно заявила, что никуда не поедет. Однако главной причиной, почему она отказалась, было то, что она не хотела их оставлять. А потом они умерли.

– Мы обсудим подробнее завтра, но пока скажу, что у меня уже есть для тебя мужчина. Это будет стоить три тысячи долларов, и через полгода ты получишь гражданство. Через три года разведешься, и все.

– Спасибо... – Она делает паузу. – А этот мужчина?..

– Ты увидишь его всего один раз. Тебе не придется с ним жить. Я ему заплачу. С документами ты найдешь работу. И будешь отдавать мне долг по сто долларов в месяц. Вот и все.

Рената облегченно вздыхает. Она беспокоилась, что будет сложно.

– Ты голодна?

– Зверски. Но мне стыдно, что я такая грязная. Можно я приму душ?

– Конечно. Я покажу тебе твою комнату. Можешь остаться тут на несколько недель. Или на сколько тебе будет нужно.

Марко проводит ее в спальню. Белые стены, белые простыни, белая мебель. Очень чисто.

– Полотенца в ванной.

– Спасибо.

– Там в комодке есть немного одежды. Я купил для тебя.

– Большое спасибо, Марко. – Она хочет его обнять, но останавливается. – Знаю. Я ужасно пахну. Приму душ.

Когда Марко выходит, Рената закрывает дверь спальни. Она идет в ванную комнату. Здесь свежий ремонт. В душе – синяя плитка и стеклянные стенки.

Рената смывает всю грязь и копоть, которые осели на ней

за время ее путешествия. И вместе с этим она пытается смыть с себя страхи. Страх, который она испытывала в деревне, откуда бежала. Страх перед подростками – подражателями наркокартеля «Лос Сетас», которые гонялись за ней в детстве, угрожая отрубить ей пальцы. Страх заболеть чикунгуньей³⁴. Страх покинуть свой дом. Страх начать жизнь заново. Страх пересечь границу. Страх перейти ту реку, страх быть обнаруженной, когда она лежала в песке.

Пусть страх утечет вместе с водой, говорит она себе.

Она тянется за пушистым белым полотенцем. Ей кажется, что она слышит какой-то звук. Она выключает вентилятор. Прислушивается. Ничего.

Рената приоткрывает дверь ванной. Дверь спальни закрыта. Звук, видимо, прозвучал за пределами комнаты. Может, хлопнула дверь спальни Марко или дверца шкафа.

Успокоенная, она улыбается себе в зеркало, стоя в чистом белом полотенце. В ванной есть комод. Она открывает верхний ящик в поисках чистой одежды, которую Марко предложил ей надеть.

Здесь лежит нижнее белье. Она приподнимает одни трусы. Не обычные хлопковые брифы. Черные стринги. Она берет другие. Фиолетовые шортики. Кружевные. Просматривает остальное. Еще такое же белье.

³⁴ Ч и к у н г у н ь я – вирусное заболевание, схожее с более известными тропическими лихорадками (желтой, денге) как по симптомам, так и тем, что переносчиками являются комары из рода кусак.

Она открывает следующий ящик. Красивое, но короткое коктейльное платье. Она недоуменно смотрит на одежду. Может, это осталось от бывшей девушки Марко? Или он покупал это не глядя? Или, может, пытался ей угодить, купив что-то модное. Она закрывает ящик, решив не надевать эту одежду. Она выходит из ванной, все еще в полотенце.

На краю кровати в халате, и только халате, сидит Марко. Шум, который она слышала, был от Марко.

– Ты меня напугал.

Марко встает. Его прищуренные глаза угрожают. Он делает к ней шаг в своем белом халате, так гармонирующем с белыми стенами, белыми простынями и белой мебелью.

– Eres hermosa. Ты красивая.

– Марко, пожалуйста, уйди.

– Я собираюсь тебе помочь. Все, что обещал, я сделаю.

Она отступает от него.

– Я могу помочь тебе получить гражданство, найти работу. А если я этого не сделаю, тебя отправят обратно.

– Пожалуйста...

Всегда ли это было частью приглашения? Или его планы изменились после смерти ее родителей?

– Иди сюда.

Он обнимает ее. Она стоит неподвижно, руки безвольно свисают по бокам. Руки Марко тянутся вниз, забираются под полотенце, хватают ее ягодицы. Она чувствует потные ладони и кончики ногтей, впившихся в кожу. И отталкивает его.

Весь облик Марко меняется.

– Не шути так. Тебя отправят домой.

Рената хочет бежать. И она убежит.

– Хорошо.

– Хорошо? Да?

– Да. Только... по-моему. Ложись. *De espaldas*.

– Ладно. Как тебе хочется.

Марко улыбается. Его зубы белые, как халат, такие же белые, как белые стены, белая мебель и белое покрывало. Он садится на кровать. Ложится. Рената хватается за сумку и кидается к двери. Марко вскакивает на ноги. Она пытается захлопнуть за собой дверь спальни. Дверь ударяет Марко, отбрасывает его назад, но он не падает.

Она пересекает гостиную, направляясь к входной двери. Марко – за ней. Он сумел ухватиться за ее сумку и, потянув сумку вниз, опрокидывает Ренату на пол. Как прием «хомут» в американском футболе.

Рената за всю свою жизнь никого не била, но футбольные навыки берут верх. Пинает его в плечо. Пинает в грудь. Третий удар ногой идет прямо в зубы. В белые зубы. Теперь красные от крови.

Его глаза расширяются, как будто желание трахнуть сменилось на желание убить. Когда она встает, чтобы бежать, он хватается за лодыжку. Рената снова падает. Она вскакивает на ноги, но он опять хватается ее... и падает на пол, держа в руках ее полотенце.

Рената не останавливается – голая выбегает с сумкой за дверь.

Марко бежит за ней по коридору. Пара соседей возвращается с ужина с остатками еды в пакетах. Застывают на месте. Женщина в ужасе прячет глаза, мужчина не может отвести взгляда. Испуганная Рената бежит им навстречу, прикрываясь сумкой.

Присутствие соседей заставляет Марко нырнуть обратно в квартиру.

Рената сбегает по лестнице. Выскакивает из подъезда на Норманди-авеню. Голая. Люди на улице останавливаются и glareют.

Рената сворачивает в переулок. Прячась за мусорный бак, достает из сумки грязную одежду, надевает ее и бежит прочь от дома Марко.

* * *

Вой не дает ей спать всю ночь. Она последовала за мужчиной с тележкой до парка Элизиан, где выбрала место в паре сотен ярдов от него, недалеко от Энджелс-Пойнт. Рената часами смотрит на беззвездное небо. Обратив взгляд туда, откуда слышен вой, она замечает силуэты собак на склонах холмов. Ей вспоминается проводник с серо-рыжей бородой. Когда сквозь кроны деревьев проникает утренний свет, Рената видит вокруг множество палаток и шалашей. Не мень-

ше пятидесяти. Желудок урчит, умолая о еде. Она думает про антохитос³⁵ на Авенида-Попокатепетль и эмпанадас³⁶ в кафе в Аркадии, о котором она читала в лосанджелесском блоге о путешествиях.

В полумиле отсюда видны пустые синие и желтые сидения стадиона «Доджер». Рената достает из сумки флаер. На глянцево-м фото – молодые люди, веселящиеся в ночном клубе. Флаер ей дал проводник. Успел ли он убежать? Она не видела... На второй день пути он дал ей этот флаер и сказал, что там можно заработать деньги – наличные, как он сказал, нелегально. Гражданство не имеет значения. Проводник велел ей спросить Эббота. Или Эбнера? В то время, четыре дня назад, когда проводник дал ей флаер, Рената не интересовалась этой работой, а флаер взяла просто из вежливости. Она думала, что Марко поможет ей получить гражданство и найти работу. Теперь все изменилось.

* * *

Рената входит в крошечный офис на северной стороне Венисбульвара, где пять разнокалиберных письменных столов

³⁵ А н т о х и т о с – собирательное название ряда «уличных» блюд мексиканской кухни, в которых так или иначе используется традиционная кукурузная лепешка-тортилья, – таких как тако, буррито, кесадилья и проч.

³⁶ Э м п а н а д а с – традиционное блюдо латиноамериканских кухонь, жареные пирожки.

расставлены в хаотичном порядке. В офисе четыре сотрудника. Рената присматривается к молодой латиноамериканке.

– Могу я видеть Эббота?

Женщина указывает в окно – там в патио сидит молодой человек; он разговаривает по телефону. Его рубашка с воротником и три расстегнутые пуговицы обнажают гладко выбритую грудь. Рената выходит на улицу и встает достаточно далеко от Эббота, чтобы дать ему возможность закончить разговор, но достаточно близко, чтобы дать ему знать, что она хочет с ним поговорить, когда он закончит.

– Ага. Скажи ей, чтобы еще раз подумала. Ты получаешь четыре группы разносчиц бутылок, и это соответствует пятидесяти местам. Поняла? Хорошо, хорошо. Позвони мне потом. Пока.

– Эббот?

– Да?

– Мне сказали, что вы можете дать мне работу. Нелегально.

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

– О... Ладно, извините. – Она уже хотела уйти, однако остановилась. Не следовало ли начать по-другому? – Меня к вам направил Карлос.

– Ты откуда?

– Из Камино-Верде. Это в Тихуане.

– Когда приехала?

– Два дня назад.

– Иисусе.

– У вас есть для меня работа?

– Нельзя так говорить! Приходишь и сразу брякаешь про нелегальную работу? Нужно действовать тоньше.

– Простите.

– У меня нет для тебя работы. Но я продвигаю клубы, а в клубах иногда девушки разносят алкоголь, заставляя мужчин покупать выпивку. Если будешь тусить со мной, когда я работаю, сумеешь делать, как они?

– Да.

– Видишь, как надо разговаривать?

– Да.

– Я могу устроить тебе вечера. Но ты должна отдавать мне половину.

– Хорошо.

– У тебя есть где жить?

Рената не хочет говорить «нет».

– Я знаю мотель в Линкольн-Хайтс. Совсем недорого, и они сократят плату еще вдвое, если каждое утро по несколько часов потратишь на уборку комнат.

– Было бы здорово.

– Это на Ганновер, рядом с «Чертом в табакерке». Я познакомлю тебя с Глорией. Отвезу тебя туда сегодня вечером. После работы.

– А можно мне начать работать сегодня вечером?

– Большинство вечеров я работаю в клубах, но сегодня

у меня другое дело. Продвигаю одну экскурсию по дому с привидениями. Проводим раз в месяц. Присоединяйся, если хочешь. К экскурсии, я имею в виду. А потом отвезу тебя в мотель.

– Что за экскурсия?

– Место называется Дом Пандоры. Туда можно только с экскурсией, иначе небезопасно. А то потеряешься или попадешь в ловушку.

– Ладно...

– Место встречи меняется каждый месяц. Это секрет. Собираемся сегодня вечером в конюшнях Арройо-Секо. Рядом с полем для гольфа в Южной Пасадене. Будь там к десяти вечера.

– Хорошо.

– Да, приходи. Побываешь на экскурсии по дому с привидениями. А завтра вечером начнем тусоваться в клубе. Делать деньги, окей?

– Спасибо.

* * *

Рената вышла из офиса Эббота на Мар-Виста и прогуливалась по Венис-бульвару, где ее остановил запах мяса, картошки и жира. Возле бургерной «Ин-эн-Аут» она наблюдает за парой подростков, которые пытаются съесть больше еды, чем могло бы влезть в любых двух человек. Когда они сдают-

ся и оставляют свои подносы, Рената набрасывается на еду как хищная птица. Доедает остатки. Картошку фри. Гамбургер. Булочку. Какой-то розовый соус. Она жует и глотает в бешеном темпе в течение трех минут, прежде чем видит, как к ней идет разгневанный менеджер. Фигура мужчины предполагает, что за свою жизнь он съел миллионы гамбургеров. Рената бежит, зная, что толстяку ее не догнать.

Чтобы скоротать время до того, как придется ехать в Южную Пасадену на встречу с Эбботом, Рената гуляет по Венис-бульвару. Туда и обратно по улице. Люди общаются с людьми. Двое мужчин держатся за руки. Группа из трех девочек-подростков несет скейтборды под мышкой, как сумочки. Мужчины в костюмах ждут своей очереди у фургона, продающего булочки с лобстерами. Две женщины лет шестидесяти едут на двухместном велосипеде по велосипедной дорожке.

Она добралась сюда, в Соединенные Штаты Америки. И вот она здесь, совсем одна.

* * *

С перекрестка Баррингтон и Палмс ее привлекли огни в общественном парке. Там площадка для хоккея на роликах, но в хоккей никто не играет. Пара десятков подростков и двадцатилетних ребят играют в футбол. Несколько игроков белые, остальные – латиноамериканцы, западноафри-

канцы, ближневосточные и азиаты. Рядом стоит пожилой белый мужчина со своими роликами и клюшкой, раздраженный тем, что каток захвачен футболистами. Ближневосточный перень забивает гол, и его команда ликует, а зрители скандируют: «Фарзад, Фарзад, Фарзад!»

Сейчас команды переформируются, и в одной команде не хватает игрока. Латинос машет невысокому мальчику, стоящему возле площадки рядом с Ренатой.

– Хочешь поиграть?

Коротышка отрицательно мотает головой.

– Я сыграю, – говорит Рената.

Рената принимает его полувздых-полуворчание за согласие.

Проходит три минуты, и Рената с тем же успехом могла бы просто бегать по кругу. Наконец один игрок подает ей мяч. Она принимает и передает мяч товарищу по команде. Парни видят, что она не новичок в футболе, и начинают пасовать ей чаще. Рената не самый лучший игрок, но она умеет играть – то есть говорить на самом интернациональном языке.

Позже в игре у Ренаты прорыв. Она и вратарь. Рената делает вид, что собирается послать мяч вправо, и посылает влево. Вратарь купился на ее уловку, но мяч попадает в штангу. Команда выпускает разочарованный стон.

Когда Рената бежит назад, белый парень из другой команды подставляет ей ладонь: дай пять. Она хлопает его по руке.

Рената устала, но эта усталость приятная. Она берет свою сумку и идет к дороге. Она проходит мимо фонтанчика, где белый парень, который подставлял ей ладонь – теперь без футболки, с голым татуированным торсом, – заканчивает пить воду.

– Ты неплохо играешь! – говорит он.

Рената улыбается.

– Было весело.

– Часто сюда приходишь?

– Сегодня – в первый раз.

– Я прихожу каждый понедельник. Ты должна прийти еще. Народ у нас иногда бывает агрессивный, но в основном тут спокойно. Как тебя зовут?

– Рената.

– А я Марти. Рад познакомиться.

– Я тоже.

– Ты откуда?

Рената не уверена, солгать ли ей.

– ¿De dónde eres? – переспрашивает он.

Рената улыбается. Но отвечает по-английски.

– Из Мексики. Только что приехала.

– Добро пожаловать. У тебя тут много знакомых?

– Еще нет. Я...

– Ты знаешь в городе хоть кого-нибудь? – Когда она колеблется, он переспрашивает: – У тебя здесь есть друзья?

Рената кивает, но Марти, кажется, видит, что она лжет.

– Что ты сейчас делаешь? Не хочешь перекусить?

Рената колеблется. Часть ее жаждет вкусного ужина и шанса познакомиться с кем-то в ее новом доме. Другая ее часть не доверяет ему. Не доверяет никому.

Он добавляет:

– Я вообще-то встречаюсь кое с кем. Просто имею в виду поужинать вместе как друзья. Тут есть дешевое гавайское местечко, «Раттс», в конце улицы.

Когда он говорит «друзья», Рената думает о сериале «Друзья» и его персонажах, живущих через холл друг от друга. Марти не похож на Росса, Джоуи или Чендлера.

– Хорошо.

– Отлично. Пошли.

Черт. Как же она забыла.

– Я не могу. Извини. Мне нужно пойти посмотреть... дом с привидениями.

– Что?

Рената смеется, понимая, как дико это прозвучало.

– Я пытаюсь получить работу у одного человека, который занимается ночными клубами. Его зовут Эббот. И он хочет, чтобы я пошла с ним сегодня в какой-то дом с привидениями. Он назвал его Дом Пандоры.

Рената смотрит на него, чтобы понять, слышал ли он о

таком доме. Марти пожимает плечами: нет.

– Дай мне твой номер, и мы поужинаем в другой раз.

Рената колеблется. Ее мобильный телефон сломался три недели назад. Она хотела купить новый, но денег не было. И потом, она знала, что на телефон будут бесконечно приходить голосовые сообщения от родных и друзей, когда они поймут, что она убежала.

Словно чувствуя отказ, Марти вскидывает руки.

– Не давлению. Увидимся как-нибудь на футболе.

– Просто... у меня нет телефона.

– А-а... Ну давай завтра утром позавтракаем. Ты свободна?

– Конечно.

– Хорошо, встретимся в закусочной «Эс Дабл Ю». Это на улице Вашингтон, в центре Калвер. Там еще рядом шикарный паб с пивоварней.

– Закусочная «Эс Дабл Ю»?

– Ага. В девять тридцать?

– Хорошо.

– Увидимся там завтра.

– Да.

Марти собирается уйти, но останавливается.

– Ты сейчас куда?

– Поеду в Пасадену, к дому с привидениями.

– Знаешь, как туда добраться?

По ее заминке он понимает, что нет.

– Я иду как раз мимо станции. Провожу тебя.

Когда они подходят к станции метро на улице Банди, Марти объясняет, что ей нужно ехать по линии «Экспо» на восток к центру города, затем пересестись на красную ветку до «Юнион-Стейшн», а затем на золотую ветку в сторону «Аз-узы», где она выйдет на остановке «Южная Пасадена».

Он указывает на гигантскую автодорожную развязку:

– Тут бетонные джунгли. Все ездят на своих дурацких машинах. Но пешком и поездом – веселее.

Марти показывает ей, как купить карту и оплатить один проезд. Стоимость карты – 1 доллар, стоимость поездки – 1,75 доллара. Итого 2,75 доллара. Рената ищет монеты на дне своей сумки.

– Дать тебе пару долларов? – спрашивает Марти.

Рената краснеет.

– Не надо. У меня есть. Спасибо.

Она находит еще два четвертака и вставляет их в прорезь.

– Хочешь? – спрашивает Марти, протягивая ей энергетический батончик с шоколадной крошкой. – У меня есть еще.

– Нет-нет, gracias. Спасибо.

– Ладно. Ну, до завтра? – говорит Марти.

– Ага. Девять тридцать. Закусочная «Эс Дабл Ю».

– Ты любишь вафли?

Она улыбается.

– Я тоже, – говорит он. – Возьмем вафли. И яичницу.

Марти поворачивается, чтобы уйти, но снова возвращает-

ся.

– Ты классно играла.

Он улыбается. Рената отвечает улыбкой. И они идут каждый своей дорогой.

* * *

Когда Рената подходит к конюшням, там уже стоит небольшая толпа мужчин и женщин возрастом от двадцати до тридцати, большинство из них – белые. Они курят сигареты и вейпы и перешептываются. Ренате приветственно кивают, но она встает в стороне. В толпе ощущается волнение. Нервный гул предвкушения.

Мимо Ренаты проскальзывает грязный черный кот. «Вонючий кот, вонючий кот, чем тебя кормят»? – вспоминается ей песенка из «Друзей».

Рената роется в сумке в поисках толстовки и замечает шоколадный батончик. Марти, наверное, незаметно его подобрал. Она улыбается и думает, какой он славный, разрывая упаковку и откусывая кусочек.

– Ты пришла!

Обернувшись, Рената видит Эббота.

– Привет!

– Если кто-нибудь спросит, скажешь, что заплатила Эбботу.

– А что здесь такое? Я не понимаю.

– Это экскурсия по дому с привидениями. Типа такой «Диснейленд» для взрослых. Что-то вроде квеста. Будет весело.

– Там страшно?

– Скорее, жутковато. Ты куришь?

Рената пожимает плечами. Ей нравится курить травку. Она курила травку со своим приятелем Флипом за можжевельными кустами на заднем дворе его дома. А завтра пойдет завтракать с Марти.

Эббот достает пластиковый пакет с мармеладками.

– С ними будет еще веселее.

Он протягивает Ренате пакет. Она колеблется. Но потом берет. Жует. Глотает.

К тому времени, как мармеладки возымели эффект, подошли еще несколько человек. Рената чувствует покалывание в щеках. И понимает, что за последние две недели она почти не улыбалась.

Подъезжает небольшой школьный автобус, переоборудованный в автобус для вечеринок. С веселыми возгласами народ рассаживается по местам. Окна автобуса закрашены, так что пассажиры ничего не видят снаружи.

Рената выбирает место в передней части салона.

Эббот заходит в автобус:

– Добро пожаловать.

Все его приветствуют. Рената с удивлением замечает, как сильно все взволнованы. Так она с Софией ехала на автобусе

до стадиона «Кальенте», чтобы посмотреть игру «Ксолос» против «Чибас»³⁷.

– Каждый из вас, наверное, слышал разные истории о Доме Пандоры. Вы слышали о бесконечных этажах, горизонтальных лифтах или загадочном свете без источника. Вы слышали о том, что, войдя туда, уже никогда не выйдешь. Вы слышали, как его называют домом-айсбергом. Вы слышали о круге – портале в другой мир. Сегодня мифы исчезнут, и вы увидите настоящий Дом.

Пассажиры издают радостный вопль. Ренате их поведение кажется странным.

Автобус трогается. Стоя в проходе, Эббот держится за сиденья, чтобы не упасть.

– Это мой жутковатый голос гида.

Все смеются. Кроме Ренаты, которая думает о слове «жутковатый». Второй раз она слышит его от Эббота.

– Когда мы выедем на автостраду, вам придется выключить телефоны и сложить их сюда. – Эббот указывает на портативный сейф. – Дорога займет полтора часа. Мы, может, целый час будем ездить кругами, чтобы сбить вас с толку, а может, доедем до Джошуа-Три или Палм-Спрингс. Вы никогда не догадаетесь.

Фотографировать запрещено. Вы не сможете узнать, где

³⁷ «К с о л о с» и «Ч и б а с» – прозвища мексиканских футбольных команд «Клуб Тихуана Ксолоитцкуинтлес де Кальенте» и «Клуб депортиво Гвадалахара» соответственно.

мы находимся. Местоположение Дома хранят в секрете. У кого-нибудь есть вопросы?

Все поднимают руки.

– Скоро там будем. Вы получите ответы на все ваши вопросы и своими глазами увидите энигму.

Рената раньше уже слышала слово «энигма», но она не знает, что оно означает. Коллекция слов и выражений, которые она знает, например «поворотный момент» или «в перерыве», в значительной степени сформирована бесконечным просмотром «Друзей».

Ренату клонит в сон. Перед глазами все плывет. Она потирает виски пальцами. Пальцы ног ощущаются как-то странно внутри кроссовок. Она оглядывается на остальных. Никто из них не выглядит сонным, никто не спит.

Рената время от времени просыпается, не понимая, что засыпала. Автобус все еще едет. Не имея возможности смотреть в окна, никто не понимает, где находится. Цвета и звуки становятся слишком яркими и громкими для Ренаты. Тянет закрыть глаза, чтобы от всего отгородиться. Она сдаётся и закрывает глаза. И открыть их уже не может.

Она спит. Затем просыпается. Потом засыпает и снова просыпается. Спит все дольше. Кажется, годы. Но даже когда просыпается, все остается черным. Она слышит громкие ритмы хип-хопа. И думает, что это, наверное, бьется ее сердце. Она начинает думать, что умерла. А потом больше не думает.

Рената открывает глаза. Где она? В комнате какой-то странный зеленоватый свет. Но она не видит ни окон, ни ламп. Рената садится. В голове странная легкость. Стены, кажется, сделаны из чего-то зеленого или серого. Она идет к одной стене. К другой.

С пола приподнимается фигура. Женская.

– Ты проснулась... – говорит девушка.

Она белая. Ей лет двадцать. Запавшие глаза. Тонкие волосы. Шелушащаяся кожа. Очень худая.

– ¿Dónde estamos?

– Что?

– Где... где мы?

– Я не знаю.

– Кто ты?

– Я Корал.

– Ты была в автобусе?

– Нет. Какой автобус?

– На экскурсию в дом с привидениями.

– Не знаю такого.

Сердце Ренаты стучит в груди, как отбойный молоток. Наверное, ей снится кошмар. Но нет. Она знает, что не спит.

– Где мы? Это Дом Пандоры?

– Понятия не имею.

Рената стучит в стену.

– Что ты делаешь?

– Выпустите нас!

– Ты зря тратишь время.

– Как долго мы здесь?

– Ты спала... я не знаю, полдня. Не меньше десяти часов.

– Где Эббот?

– Я не знаю Эббота.

– Ты была в автобусе?

– Когда?

– Сегодня вечером.

– Я была здесь.

– Как долго?

Корал указывает на дальнюю стену.

– Я пыталась считать ночи. Дни. Но это было трудно.

Рената идет к дальней стене. На ней – царапины. Не меньше сотни.

Сердце Ренаты стучит еще чаще.

– Как тебя зовут?

Рената молчит. Она смотрит на сотню царапин на стене.

– Как тебя зовут? – повторяет Корал.

– Рената.

Корал подается вперед.

– Как ты сказала? Де нада?

– Рената.

Глава 4

Тифони

Тифони уже думает о выстрелах, когда входит в свою съемную квартиру в «Креншо-Империял» и слышит выстрелы. Чем бы она ни занималась в тот день, ее мысли все время были заняты выстрелом в Джармона Уэйда. Она ставит еду, купленную в «Тако Плюс», на кухне и направляется в кабинет, где ее муж играет в видеострелялку.

– Привет.

– Привет, Ти, – отвечает Майк.

– Какого хрена?

Майк ставит игру на паузу.

– Я же говорила тебе, что здесь нельзя курить. Зачем ты курил перед тем, как идти на Першинг-сквер?

– Ой. Извини, я забыл. Это сегодня вечером?

– Я не хочу, чтобы ты здесь курил.

– Курение травы теперь разрешено.

– У меня свои законы. Я не хочу, чтобы Гэри этим дышал.

– Ну я же знал, что ты отведешь его к своей маме, поэтому подумал, что можно.

– Значит, ты помнил, что сегодня вечером мы идем на митинг?

Его губы складываются в улыбку. По крайней мере, он

умеет признавать поражение. За одно это его можно любить. Иногда она задается вопросом, за что еще. Через три минуты, склонившись над кухонным столом, она вспоминает за что. Еда остыла, но все равно вкусная, а после секса холодная еда кажется божественной.

– Ты все еще хочешь пойти? – проверяет она его.

– Да мне все равно, – не оправдывает он ее ожиданий. – А что? В чем дело?

– Это важно. Вот в чем дело. А тебе все равно. Хочешь, чтобы лет через десять Гэри стал Джармоном Уэйдом?

Джармона застрелили семь недель назад, когда он вышел со своим скейтбордом из переулка на улицу Сан-Педро, недалеко от Литтл-Токио. Об этой истории мало говорили в прессе, потому что у Джармона был пистолет. Но он не направлял пистолет на полицию. Он поднял руки, а когда скейтборд упал на землю, полицейский выстрелил, и пуля пронзила сердце Джармона. Двое очевидцев подтвердили, что Джармон не наставлял пистолет на офицеров, только поднял руки и выронил доску. Один свидетель сказал, что пистолет выпал из-за его пояса, когда он упал. А другой сказал, что полицейский вытащил пистолет из-за пояса Джармона и положил его рядом с телом. Полиция Лос-Анджелеса использовала это противоречие в показаниях, чтобы дискредитировать обе версии, и офицеру не предъявили никаких обвинений. Чертова полиция. Как тот чувак Бреннан говорил: слова «служить и защищать» написаны на их полицей-

ских машинах в кавычках, словно с иронией.

На серой футболке Тиф надпись: «Жизни черных – тоже жизни». Она обменивается с людьми кивками солидарности, когда они с Майком петляют сквозь толпу на Першинг-сквер. Майк держится на полшага позади, а не рядом с ней.

Проходящая мимо них женщина – в сапогах до бедер и с самоуверенностью до небес – бросает Майку:

– О, черт. Привет.

Это еще кто?

– Что это за баба?

– Таша.

Значит, Таша. Бывшая Майка. Тиф давно хотела узнать, как она выглядит, и, оказывается, она выглядит как Рианна с огромными сиськами. Тиф, хотя и вышла замуж за Майка, всегда недоумевала, почему к нему липнут бабы. Ему не хватало десяти фунтов, чтобы быть толстым, и десяти долларов, чтобы иметь десять долларов. Но женщинам он нравился. Майку даже пришлось добиться запретительного судебного ордера против одной чокнутой дамы по имени Ксанни.

Они находят местечко, где встать. Майк пьет из стеклянной бутылки «Севен-Ап» и стоит с таким видом, словно тоскует по своей видеоигре.

Через двадцать минут Майк допивает свою бутылку.

– Пойдем?

Как будто если у него закончилась газировка, то, значит,

пора идти.

– Нет. Мы можем остаться.

На дальней стороне Першинг-сквер несколько темнокожих подростков что-то подожгли. Толпа охает и ахает и тянется посмотреть, что горит. Народ проталкивается туда, направляясь к огню. Майк залезает на ближайшую скамейку, чтобы лучше видеть. Тиф смотрит направо, где дюжина белых мужчин и женщин входит в парк с Олив-стрит, держа в руках плакаты типа «Защитим нашу полицию» и «Полиция решает».

Когда они приближаются, Тиф не выдерживает:

– Вам прямо сейчас это надо? Именно здесь вы собираетесь заниматься своим дерьмом?

Здоровый белый парень с козлиной бородкой принимает приглашение к дебатам и подходит к Тифу.

– Они каждый день рискуют своей жизнью. Чтобы обеспечить нашу безопасность. Твою безопасность.

– Дело не в том, нужны ли нам муниципалитеты и прочее дерьмо. Сейчас речь идет о том, чтобы не допустить, чтобы полиция убивала молодых чернокожих парней.

– Я поддерживаю тебя. И полицию тоже поддерживаю.

– Ну и поддерживай полицию. Но прямо здесь? Сейчас? Размахивать тут этим плакатом – значит преуменьшать то, что мы пытаемся донести.

Белый здоровяк с козлиной бородкой тыкает пальцем в плечо Тифу.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь.

В ответ Тиф слегка толкает его ладонью.

– Не прикасайся ко мне! – предупреждает она.

Он толкает ее так же, раскрытой ладонью, но она меньше его, поэтому ей приходится сделать шаг назад, чтобы удерживать равновесие. Тиф поднимает взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть, как Майк опускает на голову здоровяка стеклянную бутылку. Здоровяк валится на землю, не теряя сознания, но явно оглушенный.

Тиф испуганно поворачивается к Майку, а другие трое белых громил, двое из которых тоже имеют козлиные бородки, набрасываются на него. Через полсекунды четвертый белый парень, не громила, но с бородкой, тоже вступает в драку. Четверо против одного.

Тиф оглядывается, ища помощи, но большая часть толпы переместилась на другую сторону Першинг-сквер, где подростки разожгли костер. Пока Майка избивают, Тиф бежит двадцать ярдов до припаркованного внедорожника полиции.

– Помогите! Помогите!

Машина кажется пустой. Задняя левая дверь приоткрыта; в щель свисает ремень безопасности. Она открывает дверь; полицейских внутри нет – видимо, побежали проверять, что горит. Тиф уже собирается уйти, когда замечает винтовку в держателе на перегородке. Она думает, бежать ли ей за полицией на дальний конец площади. Но оглядывается на Майка: четверо парней могут убить его раньше. Она не успевает

обдумать свой план, хватает полицейскую винтовку, которая стреляет баллончиками со слезоточивым газом, и целится в парней, навалившихся на Майка. И стреляет.

* * *

Для удобства Тифони приходится поставить ногу на стол. Она просовывает старую зубную щетку в щель между кожей и монитором, прикрепленным к ее лодыжке.

В комнату заходит Гэри. Тиф ожидала, что к этому времени, когда ему почти четыре года, его ковыляние превратится в нормальную походку, но Гэри не желает брать пример со сверстников и до сих пор по-пингвиньи переваливается с ноги на ногу.

– Чешется?

– Очень.

– А как это?

– Иди сюда. Я покажу.

Когда Гэри подходит, Тиф хватает его за ногу, опрокидывая Гэри на спину. Тиф щекочет ему лодыжку. Гэри визжит. Майк, когда не ведет с сыном нравоучительные беседы о том, каким тот станет великим человеком, любит подурачиться с ним – они борются на полу, строят форты и издают губами пукающие звуки. Тиф пытается заполнить эту пустоту.

Гэри отползает от нее подальше.

– Это не чешется. Это щекотно.

– Нет. Вот иди сюда. Я покажу, каково это на самом деле.

Гэри подходит, но держится на расстоянии вытянутой руки от Тиф. Она хватает его за лодыжку. Гэри падает на пол, и Тиф его щекочет. На мгновение она беспокоится, не убьет ли она ребенка, заставляя так сильно смеяться; впрочем, она услышала бы о таком в новостях, если бы это было возможно.

Гэри отползает на несколько футов.

– Ты сказала, что не щекотно.

– Мне не очень сильно щекотно. Я тебя обманула. Мне совсем не больно. Это как часы, только на ноге.

– Я не знаю, как чувствуются часы.

– Иди, я тебе покажу.

Гэри делает осторожный шаг. Как боязливый пингвин. Когда он попадает в объятия Тиф, звучит звонок в дверь. От неожиданности Гэри взвизгивает.

Тиф встает с пола и идет открыть дверь. На пороге – белый парень лет двадцати в хипстерском прикиде и его подружка-азиатка, которой может быть двадцать, а может и тридцать семь. Азиатки не имеют возраста, думает Тиф.

– Чем могу помочь?

Парень улыбается.

– Привет. Мы только что переехали в соседнюю квартиру. Его нестареющая подружка тоже улыбается.

– И мы решили заглянуть к вам, поздороваться.

– А-а... – говорит Тиф. – Ну, привет.

– Вы давно здесь живете? – спрашивает парень.

– Десять лет.

– Ух ты. Кажется, неплохой район. Мы жили в Калвер-Сити. Но там становится шумно. Что ни день, строят новый ресторан. Все пытаются сделать район пошикарнее, понимаете?

Тиф смотрит на него молча. Нужны ли Лос-Анджелесу две футбольные команды? Город как будто не может обрести какую-либо умеренность или последовательность. Он имел две команды, потерял две команды, теперь он снова хочет две команды. А для этого нужно построить гигантский стадион за миллиард долларов в ее районе. Может, «преображение Инглвуда» – как это любят называть белые – было неизбежно, однако новый стадион ускорил процесс. Раньше появление здесь белой девицы означало: «кокаин», а теперь белая девица может означать, что фифа только что проехала на красный свет в своем «Вольво». А когда появились йогини со своими ковриками и крошечными собачками, вообще пиши пропало. Инглвуд наводняют яппи³⁸ под сорок, белые дети восьмидесятых, поклонники всего органического, сверхпривилегированные пожилые миллениалы, которые выросли, заботясь только о себе любимых. Ремонтируют и перестраивают дома, которые не нуждаются в ремонте. Они уже забрали себе наш сленг – почему бы не взять и город? Теперь Тиф не может дойти до прачечной, не услышав об-

³⁸ Я п п и – прозвище молодых высокооплачиваемых и амбициозных работников крупных успешных компаний.

суждений, где продают лучший смузи, или пения Билли Айлиш. Но проблема не только в разговорах о комбуче³⁹, акциях технологических компаний и сериале «Прослушка». Переезд сюда этих любителей холодной заварки и кудрявой капусты приводит к увеличению арендной платы и закрытию семейных магазинчиков.

В Морнингсайд-парке проводятся митинги за сохранение бизнеса и культуры чернокожих, но Тиф знает, что этого недостаточно. Белые победят. В рулетке жизни с красным и черным всегда делай ставку на белое.

– А здесь вроде неплохой район. Спокойный, хотя и живут люди самых разных культур.

Парень не понимает, о чем говорит. И с кем говорит.

Его азиатская подруга таращится на монитор домашнего ареста. В ее глазах промелькнуло понимание. Теперь она пытается смотреть на что угодно, только не на ноги Тиф.

Тиф испытывает искушение пояснить ей, что она под домашним арестом за то, что стреляла баллончиками со слезоточивым газом из полицейского оружия по четырем белым чувакам – плюс по своему мужу – с двенадцати футов.

Азиатка видит улыбку Тиф и дергает парня за рубашку.

– Ну, нам надо продолжить распаковку вещей, – говорит он.

– Хорошо, – кивает Тиф.

³⁹ К о м б у ч а – ошибочно позаимствованное из японского западное название напитка, приготовленного при помощи чайного гриба.

Идите к черту.

– Мама, кто это был?

– Джентрификация⁴⁰ во плоти на нашем пороге.

– А что такое жентикация?

– Ничего, детка. Ничего особенного.

* * *

Тиф стоит в зоне для посетителей в тюрьме штата Калифорния, округ Лос-Анджелес, в очереди к окошку регистрации. Ветер холодит ее руки, и она жалеет, что не надела толстовку. В Лос-Анджелесе, где нет сезонов, деревья не знают, когда им сбрасывать листья, а люди не знают, когда надевать куртки.

Женщина-клерк не поднимает головы.

– Имя?

– Тифони Картер. Через «о».

– Картер через «о»?

– Тифони через «о».

– А! Тифони?

– Да. Моя мама хотела «они», как в «эбони»⁴¹ или

⁴⁰ Джентрификация – процесс переустройства неблагополучных кварталов, иронически описанный выше.

⁴¹ Е b o n y (англ.) – цвета эбенового, т. е. черного, дерева; так часто обозначают цвет кожи афроамериканцев, прежде всего сексуально привлекательных женщин.

«ОНИКС».

– О, как мило.

Тиф садится на раскладной стул. Смотрит на телефоны, установленные по обе стороны перегородки из невозможно чистого стекла. Стекло настолько прозрачное, что его почти не видно. Ни единого пятнышка. Тиф задумывается о распределении денег налогоплательщиков и о том, сколько средства уходит на чистку этого стекла. Возможно, это предвещает хорошее обращение с ее мужем. Хотя вряд ли.

Охранник приводит Майка. Тиф и Майк берут трубки. Пару секунд оба молчат.

– Ты в порядке?

– Ага. Все хорошо.

– Все хорошо?

– А что ты хочешь, чтобы я сказал? Где Гэри?

– Ты нормально спишь? Только не говори мне эту чушь, что сон – двоюродный брат смерти.

– Сплю хорошо. Хотя буду скучать по сну с тобой.

– Ну, как говорят, от воздержания любовь только растет...

– Тиф, где Гэри?

– Я не хотела приводить его в первый раз.

– Приведешь в следующий?

Тиф пожимает плечами.

– Да ладно, Тиф, не надо так. Мальчик должен видеть отца.

– Я много раз общалась с отцом через стекло. Не уверена,

что мне это что-то дало.

– Но и не знаешь, отняло ли. Ты ведь выросла хорошей девочкой.

– По-прежнему общающейся через стекло...

Плечи у Майка напрягаются. Тиф внезапно хочет видеть его дома и накуренного. Чтобы его плечи расслабились. Ни стресса, ни печали, ни забот, ни горестей.

– Все это время я желал, чтобы ты больше участвовала в делах сообщества, а теперь я хотел бы, чтобы ты не лезла в протесты. Если бы ты сидела дома и играла в видеоигры, нас бы с тобой тут не было. Гэри имел бы отца. И мне не пришлось бы самому о себе заботиться.

– Иди на хрен.

Майк откидывается на спинку стула и складывает руки на груди. Когда он откидывается назад, она подается вперед, как будто они на качелях.

– Я скучаю по тебе. – Тиф борется со слезами.

Майк наклоняется к стеклу.

– Кстати, о заботе... кажется, у меня есть способ позаботиться о тебе.

Ну, началось.

– Я тут кое с кем познакомился. Белый чувак, работаем вместе на кухне. Ему тут несладко. Нуждается в защите, но не хочет присоединяться к банде «истинных арийцев». Надеется как-нибудь так продержаться свои четырнадцать месяцев и выйти без нацистских татуировок.

– И как ты собираешься его защищать?

– Я не про то, чтобы быть его телохранителем. Это... сложнее.

– Дальше?

– Этот парень, Филип, торговал картинами. Ворованными картинами для другого чувака.

– Погоди, что?

– Парень, с которым я работаю на кухне. Его зовут Филип. Филип – арт-брокер, торговал картинами. Работал с другим чуваком, Честером Монтгомери. Помог ему купить картины, которые тот продает в своей галерее на Бергамот-Стейшн. А еще он помог Честеру купить кучу нелегальных картин. Мы говорим о больших деньгах, поняла? Честера Монтгомери убили. А его заглазничник с художественной коллекцией, по словам Филипа, никто не нашел.

– Прекрати, Майк.

– «Прекрати, Майк»?

– Да. Извини, если, обжегшись на молоке, я дую на воду. Но я думала, после «Баркери» мы покончили с этим дерьмом. Ты хотел завязать со своими прожектками.

С того вечера одиннадцать лет назад, когда Тифф познакомилась с Майком на вечеринке в доме на Болдуин-Хиллз, Майк вечно затевал какой-нибудь план. Его планы появлялись и исчезали. Пересекались. Различались по уровню сложности. И по уровню законности. Из-за них Майк получил свои первые два тюремных срока. Они мешали Майку

устроиться на нормальную работу. Он всегда был стопроцентно уверен в своем последнем проекте; вечно болтал про реалити-шоу о бизнесе; изображал из себя Шона Картера, говоря: «Я не бизнесмен, я – сам бизнес». Устраивался Майк только на краткосрочную (малооплачиваемую) работу, пару раз – на более долгий срок (если светила премия). А большую часть времени не мог принести домой даже консервированную ветчину, не говоря о беконе. Его последний проект, полгода назад, предполагал вложение тысячи долларов в бизнес по продаже собачьего корма под названием «Баркери» – вместе с группой парней они собирались купить фургон, парковать его возле собачьих площадок и продавать корм владельцам собак. Майк, не спросив Тиф, снял тысячу баксов с их общего счета. Один из его партнеров сбежал с деньгами еще до того, как они успели начать. Тиф пригрозила ему разводом, и Майк пообещал никогда не тратить более пятидесяти долларов, не спросив ее разрешения.

– Это не прожект.

– Ты родился прожектором. Все пытаешься сделать доллар из пятнадцати центов, вместо того чтобы сделать доллар из пятнадцати минут работы.

Майк потирает щетину на своем круглом лице.

– Это реальная ситуация. Филипу нужна защита. Я могу найти для него защиту. А взамен он поможет мне – то есть тебе – найти заглавник с картинками. И тогда тебе не придется больше мыть чужие дома. Мы будем в порядке.

- Ты не учишься на своих ошибках. Ищешь приключений на свою задницу.
- Это грубо. И не шути про задницы, пока я здесь.
- Тиф откидывается назад и скрещивает руки на груди.
- Я знал, что ты так это воспримешь. Поэтому я собираюсь познакомить тебя с Филипом.
- Парень с заглазником картин?
- Что? Нет, это Честер. Честер убит. Филип – это парень, с которым я тут работаю и который думает, что знает, где тайник с картинами Честера.
- Мне не нужно слышать об этом дерьме еще и из чужих уст.
- Это реально! Я хочу позаботиться о тебе.
- Похоже, я должна буду бегать по твоим поручениям, разыскивая картины.
- Тифони, это по-настоящему. Поговори с Филипом.
- Майк называл ее Тифони, когда хотел выглядеть серьезным. А он всегда пытался казаться серьезным, когда планировал очередное дело.
- Когда?
- Сегодня. Через несколько часов.
- У меня работа. Настоящая работа. Не охота за сокровищами.

«Клининг Ди» размещается в парадоксально грязном офисе в Дель Рей. Тиф приходит туда на пять минут раньше времени. Она набирает как можно больше часов работы. До рождения Гэри она работала кассиром в пиццерии на Креншоу. Владелец, Билл, был пожилым человеком с диабетом и начальной стадией сердечной недостаточности, поэтому Тиф начала расширять свою роль. Она взяла на себя инициативу раздавать листовки, делать купоны. Магазин стал зарабатывать больше денег, Тиф получила прибавку к зарплате, а Билл начал называть ее главой отдела маркетинга. Она осознала свою ценность и была в процессе переговоров о том, чтобы стать партнером, когда у Билла случился сердечный приступ. Он умер, и пиццерия закрылась. Это было за четыре недели до родов Тиф.

Несколько месяцев спустя Тиф попыталась вернуться к работе и искала вакансию менеджера или маркетолога в ресторане или магазине. Но на бумаге она значилась всего лишь кассиршей, а ее единственный рекомендатель был мертв. Через полгода рассылки резюме и собеседований Тиф начала работать в «Клининге Ди». Многие здешние работники, все латиноамериканки, получают зарплату. Тиф же получает почасовую оплату и работает только на замену, когда в одной из обычных бригад не хватает человека.

Узкоплечая администраторша Глория одаряет Тиф зубастой улыбкой.

– Тифони! Я как раз собиралась тебе позвонить. Ты сегодня не понадобишься.

– Чего-чего?

– Долгая история. Вышла путаница с расписанием.

– Путаница?

– Ага...

– Можешь меня отправить с другой командой? Мне нужны часы.

– Мы поставим тебя на завтра. Или на четверг.

– Нет, мне нужно на день раньше, чем завтра.

– Не сердись на меня.

– Если бы я опоздала, – Тиф проверяет время в телефоне, – на четыре минуты, ты бы меня уволила. А сама отменяешь меня в последнюю секунду и даже не извиняешься.

– Я же сказала «извини». Вышла путаница.

– Я слышала только про путаницу.

Тиф сопротивляется желанию начать возмущенную речь о том, как Глория дает латиноамериканкам больше часов, чем ей.

– Ну пожалуйста... Я сейчас мать-одиночка. Арендная плата растет. Чем меньше денег, тем больше проблем.

– Как я уже говорила, мы будем ставить тебя так часто, как сможем.

Да пошла ты.

– Спасибо.

Тиф направляется к выходу. Она вздыхает, но не из-за этого дерьма, а потому что знает, куда собирается пойти сейчас.

* * *

Охранник – тот же самый, который приводил Майка четыре часа назад, – ведет тощего белого мужика лет сорока.

Филип оглядывает комнату. Со стороны зоны для посетителей у телефонов сидят три темнокожие женщины. Филип колеблется, не уверенный, кто из них Тифони. Тиф машет рукой, освобождая его от игры в угадайку. Они оба берут телефоны. Тиф замечает, что у него синяк под глазом.

– Ты жена Майка?

– Ага. Та самая счастливица. Королева при короле-ка-торжнике. Миссис Майк-Прожектер.

От ее комментария Филип чувствует себя неловко. Поэтому пропускает его.

– Спасибо, что согласилась меня выслушать.

– Я уже сказала Майку, что мне неинтересно бегать по городу в поисках твоих потерянных картин, словно какой-то Индиана Джонс.

– Ну, я надеюсь, ты выслушаешь. Есть тайник с картинами. И никто другой про него не знает.

– Ты говоришь прямо как Майк. Вы нашли друг друга.

– Они стоят как минимум два миллиона долларов.
– Откуда ты знаешь, что у него были все эти картины?
– Я помог ему их получить. Вот откуда. Я знаю, сколько они стоят, потому что именно я брал его деньги и передавал их продавцам. «Мужчина с трубкой» Жана Метценже⁴². Обгорелый Матисс, который был украден из Кюнстхала⁴³. И куча других.

– Тебя арестовали за это? За продажу краденых картин?
– Нет. За уклонение от уплаты налогов и мошенничество со страховкой.

Еще один испорченный белый мужчина.

– Вау, ты многое умеешь, да?

Филип уязвлен насмешкой. Еще один чувствительный белый мужчина.

– Зачем этому парню...

Она замолкает, пытаясь вспомнить имя.

– Честер Монтгомери.

– Да, Честер Монтгомери – звучит как имя чувака, который изобрел хаки⁴⁴. Или генерального директора «Нью

⁴² Ж а н М е т ц е н ж е (1883–1936) – французский художник, представитель фовизма (течения, главной фигурой которого является упомянутый далее широко известный Матисс) и кубизма.

⁴³ К ю н с т х а л – художественный музей в Роттердаме.

⁴⁴ В данном случае имеется в виду не военная форма пыльных оттенков, а покрой гражданских штанов, сложившийся под влиянием американских армейских брюк и ставший особо популярным после Второй мировой войны; фактически этим словом (наряду с «чинос») американцы обозначают то, что можно условно

Бэланс».

Филип не понял ее шутки.

– Этому Честеру... зачем ему покупать кучу нелегальных картин? Он не сможет никому о них рассказать или повесить в своем доме, раз они украдены, правильно?

– Честер получал больше денег, чем мог отмыть. Долгое время ему приходилось прятать излишки. Но он хотел купить на них что-то. А что можно купить на грязные деньги? Оказывается, можно купить грязные произведения искусства.

– Майк сказал, что этого парня, Честера Монтгомери, убили, верно?

– Ага.

– Так разве не понятно, что тот, кто его пришил, взял и картины?

– Полиции не хватило улик, чтобы арестовать человека, который, по их мнению, это сделал. Но вроде как тот человек из Пенсильвании убил Честера за то, что Честер убил его брата. Это была месть, а не ограбление.

Тиф смотрит на него, не находя слов.

– Если бы человек, убивший Честера, сделал это из-за денег, он взял бы картины, висящие в его доме, или шестизначные суммы наличными из его сейфа. Но он этого не сделал. Убийца не был грабителем. Просто убийцей.

определить как полноразмерные брюки не костюмного стиля преимущественно пастельных и близких к ним цветов.

Тиф отвлекает плачущий старик двумя телефонами дальше. Она заставляет себя повернуться обратно к Филипу.

– Почему ты мне все это рассказываешь?

– Я согласен на фингалы хоть каждый день вместо того, чем они еще угрожают. Мне нужна помощь Майка.

– Да ладно, чувак, не держи меня за дурочку. Ты готов отдать нам все эти картины?

– Чтобы выжить? Да. К тому же я могу не выйти в течение года. А картин там может уже не оказаться, когда выйду. Я предпочел бы получить десять процентов от чего-то, чем сто процентов от ничего.

– Десять процентов?

– Ну да. Майк тебе не сказал? Я прошу вас отдать мне десять процентов от той суммы, за которую вы продадите картины.

– Мой детектор лжи пищит: «вранье». Только не могу понять, на хрена ты выдумал такую причудливую историю...

– Я не выдумываю.

– Могу предположить, что выдумал ради получения защиты.

Филип наклоняется к стеклу и понижает голос.

– Если я вру и Майк об этом узнает, то он не только не защитит меня, он сделает так, чтобы меня убили. Я не выдумываю.

Тиф посмеивается над мыслью, что Майк способен сделать так, чтобы кого-то убили. Хотя он сам чуть не убил то-

го парня на митинге – та чертова стеклянная бутылка «Се-вен-Ап» подняла обвинение на уровень нападения со смер-тельным оружием.

– Уверена, что готова упустить шанс найти миллионы дол-ларов?

– Пытаешься поймать меня на слабо, придурок?

Филип чешет неподбитый глаз, но не отвечает.

– Честно говоря, я не особо заинтригована, – говорит она. – Хотя ладно, подумаю.

* * *

Два дня Тифони об этом не думала, а на третий собира-ется вести Гэри в детский сад. Когда она открывает дверь квартиры, Говард, сотрудник управляющей компании, дела-ет шаг назад. Он приклеивал к ее двери конверт.

Говард быстро оправляется от испуга и раздвигает губы в клоунской улыбке.

– Что, завтра опять отключаешь воду? – Она бегло про-сматривает письмо. – О нет. Вы уже поднимали арендную плату в начале года. Нельзя делать это дважды за год.

– Нет такого правила.

– Есть. Я читала в интернете.

– Это касается, только организаций, у которых арендную плату контролирует государство. При условии, что уведом-ляем жильцов за шестьдесят дней, нам разрешено повышать

арендную плату, когда хотим и на сколько хотим. Но мы этим не пользуемся. Нам же не нужно, чтобы все жильцы съехали.

– Ты ведь знаешь, я не могу столько платить, так что не говори мне тут, что не пытаешься выгнать меня с сыном на хрен. Пытаешься.

– Мы просто поддерживаем арендную плату на рыночном уровне. Так же как и заправки, продающие бензин.

– Нет, это как сравнивать яблоки и апельсиновый сок.

– Я люблю яблочный сок и апельсиновый сок, – говорит Гэри. – Почему не делают банановый сок?

Говард улыбается Гэри, затем подмигивает Тиф.

– Любые проблемы решаются.

– Сами по себе? Не-а, когда ты черный, благостное отношение к жизни не решает твои проблемы, оно их вызывает.

– Хочешь, мы с тобой сядем и обсудим?

– Нет. Я не хочу обсуждать ничего, кроме того, что ты не поднимешь аренду. А сейчас мне пора на работу, чтобы наскрести денег на текущую арендную плату. У меня нет времени вести с тобой беседы, чтобы ты чувствовал себя менее виноватым.

– Прости. Вот новая стоимость аренды. Начнется через шестьдесят дней. Мы пересчитаем оплату за март.

Арендная плата Тиф за квартиру с двумя спальнями выросла с 1230 до 1950 долларов за год. Она видит своих новых соседей – белого хипстера и его нестареющую азиатскую подругу, которые возвращаются домой, наверное, с обеда, где

им, вероятно, подавали имбирный чай для йогов и органические гречневые оладьи. Она показывает им лист бумаги и говорит:

– Вот спасибо вам за это!

* * *

Тиф счищает с персидского ковра собачье дерьмо и собачью рвоту. Трудно отличить одно от другого. Тиф заменяет женщину, которая подхватила желудочный грипп. Она рада этой работе, даже при том, что остальным в бригаде она не по нраву. Всю дорогу до Брентвуда они болтали между собой по-испански.

Королева брентвудского дворца входит в гостиную, держа в руках коврик для йоги, кофе со льдом и сумочку, которая стоит больше, чем Тиф зарабатывает за месяц.

– А где Валентина?

– Не знаю. Я заменяю. Я Тифони.

– Привет, Тифони. В этой комнате нужно быть осторожной.

– Хорошо.

– Я серьезно. Вы уже в двух футах от этой стены.

– Мэм, моя близость к стене вызвана тем, что здесь собачье дерьмо.

– Ну, мне нужно, чтобы вы были осторожны. Вы используете химические вещества, которые могут повредить картину

за двести пятьдесят тысяч долларов. Вот она, рядом с вами.
Стерва, тебе лучше бы умерить свой тон.
– Хорошо. Извините. Я буду осторожна.
Когда королева-домохозяйка уходит, Тиф садится лицом к стене и смотрит на картину. Абстрактная. Нисколько не интересная. Двести пятьдесят тысяч...

* * *

Два дня спустя Тиф возвращается к стеклу без пятен.
Майк садится перед ней, и они идеально синхронно берут свои телефоны. Как будто не во второй раз, а в сотый.
– Где Гэри?
– Я согласна.
– На что?
– Выкладывай всю информацию о чертовых картинах. Я их найду.
Майк улыбается.
– Ну вот и отлично.

Глава 5

Джоди

Джоди привык спать на спине, но прошлой ночью спал то на боку, то на животе. Задница ужасно болит после того, как он пересек всю страну за такое короткое время. Когда он просыпается, его первые мысли – о брате и отце. Он словно переживает их смерть снова и снова. Кто их убил? Почему? Кто и зачем? Кто и зачем? В Джоди всегда жило любопытство по поводу младшего брата. Все те десять лет, пока Марти отсутствовал, Джоди задавался вопросами о том, где его младший брат и чем он может заниматься. Эта загадка ушла. Теперь только «кто и почему».

Джоди читал о диком множестве несетевых ресторанов Лос-Анджелеса. Но когда он встает с кровати и смотрит в окно своего мотеля в Вест-Ковине, то все, что он видит, это «Хутерс».

Сейчас 6:45, что должно ощущаться им как 9:45, но после долгих часов за рулем и литров кофеина он чувствует себя скорее астронавтом, вернувшимся из космоса, нежели обитателем Восточного побережья, переживающим трехчасовую разницу во времени. Он планирует ехать в Лос-Анджелес и пойти по адресу Марти, но нужно выждать пару часов. Если у Марти были соседи по квартире или домовладе-

лец, то вытаскивать их из постели в семь утра – не лучший способ их разговорить. Он решает посмотреть еще несколько видео с сайта «Моя грязная Калифорния» в продолжение своей попытки расшифровать, что за человек был Марти Моррел.

Есть запись, на которой Марти рассуждает о том, как он осознал, что стал частью первой волны джентрификации в Мид-Сити. Есть интервью Марти с Тони, владельцем книжного магазина «Сайдшоу Букс». Есть эссе на тему Лос-Анджелеса как лучшего города в стране для футбола – с его погодой, сотнями полей и иммигрантами со всех концов мира. Есть видеозапись, где Марти посмеивается над мамами из Брентвуда.

Многие записи документируют поездки Марти. Вот он в национальном парке Пиннаклс. Вот он занимается серфингом на волнах и катается на лыжах – все в один день. Вот безумный день в Лос-Анджелесе, когда Марти оказался на 405-м шоссе в автобусе «Фолькswagen» шестидесятых годов, не способном ехать быстрее тридцати миль в час, направляясь смотреть необъявленный товарищеский матч по футболу между сборной США и профессиональной командой из Норвегии. Одна видеозапись состоит из фотографий политического митинга, который Марти с группой друзей устроили на частном поле для гольфа в Лос-Анджелесе. Еще есть путеводитель по тайным лестницам с фотографиями и картами двадцати пяти различных построек, включая лестницу

Бакстера, лестницу Энтрада и лестницу Маттачин.

Видеозаписи приоткрывают Джоди окно в жизнь его брата. Но эта жизнь закончилась, и некоторым образом знакомство с ней лишь усиливает боль.

Джоди натывается на несколько записей, в которых упоминается «О». Что такое «О»? Может, это наркотик, который принимал Марти? Впервые «О» прозвучало в видео, где Марти просто сидел перед камерой и говорил:

«До вчерашнего вечера я почти не вспоминал О. Я собирался пойти на выставку в “Брюэри Артуок” и встретиться с Ники, но был здорово под кайфом – поймал машину и долго слушал, как водитель-армянин рассказывает мне истории о подделке денег, пока я не понял, что он едет на запад, а не на восток, и он говорит мне, что собирается в Малибу, в “Лунные Тени”, потом начинает болтать о Меле Гибсоне, так что я прошу его остановиться, выхожу и оказываюсь на Сансет-стрип. И тут понимаю, что мне очень надо в туалет. Меня сильно штырит, и мне начинает казаться, что я вижу все вокруг в перевернутом виде, но потом соображаю, что это просто перевернутая вверх ногами вывеска отеля «Стандарт». И я захожу в «Стандарт» в поисках туалета. Захожу внутрь, а в вестибюле отеля стоит этот огромный стеклянный ящик. Аквариум без воды. Знаменитый и печально известный аквариум. И там О».

Джоди ищет в интернете «О» и пытается гуглить эту букву вместе с другими терминами, такими как «наркотики» и

«уличные наркотики», но ничего не находит. Может, «О» значит «опиоиды»? Джоди находит еще пару упоминаний «О» на сайте Марти. В одном посте – десятки фотографий из вулканического национального парка Лассен, и Марти написал: «Поездка с О была намного лучше».

В еще одном сумбурном посте Джоди находит новое упоминание «О»:

«Есть кирпич, и нет кирпича. Думая про О и тот другой мир, я начинаю улыбаться и мечтать. Но это не множество миров, а один, и пути назад нет».

Кажется, «кирпичом» называют пачку героина?

* * *

Ожидание и тревога вызвали всплеск адреналина. Джоди расхаживает по комнате, пока смотрит видео. Больше ждать он не может. Он выписывается из мотеля, садится в свой грузовик и выезжает на шоссе 10, которое в данный момент напоминает гигантскую парковку – тормозные огни на многие километры. Там авария? Он ищет в гугл-картах альтернативный маршрут. По всему городу растекается кровь, от каждой конечности и каждого отверстия и по всем соединительным капиллярам. Рори, любитель высовывать голову из окна едущего автомобиля, ложится на пассажирское сиденье.

Пока Джоди стоит в пробке, в его ушах эхом звучат слова Марти из записи, которую он видел сегодня утром:

«Это для всех лос-анджелесских водителей. Бетонные сооружения в этом городе – самое настоящее чудо. Бетонные, мать их, джунгли. Я только что прочитал книгу “Лос-Анджелес: архитектура четырех экосистем” Рейнера Бэнэма. Было время, когда Лос-Анджелес славился во всем мире нашими бетонными автострадами. “Нашими”! Вы это слышали? Когда я буду плохо говорить о Лос-Анджелесе, напомните мне, что я сказал “нашими”. Короче, много лет назад система автострад Лос-Анджелеса считалась самой продвинутой. Хиповой. Архитектурно впечатляющей. Только в государстве, где ценят автострады, их называют, как мы, “десятой” или “четыреста пятой”. К примеру, “Ай – девяносто пять” – чертовски полезная дорога. Идет от Бостона до Майами, через Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимор, округ Колумбия. Однако она так и не заслужила звание “десяносто пятой”. “Ай – девяносто пять” и есть. Но сколько бы уважения автострады Лос-Анджелеса ни получили в семидесятых – где-то между тем временем, когда видео убило звезд радио, а интернет убил порнозвезд, – клубок лос-анджелесских автострад стал посмешищем среди транспорта США. Лос-Анджелес собирается скоро представить публике новый общественный транспорт. Они объединяют существующие железнодорожные линии, строят новые. Я лично повсюду езжу на поезде. Это шаг в правильном направлении. Но для водителей Эл-Эй⁴⁵ все эти изменения бессмысленны. Види-

⁴⁵ Эл-Эй – LA, аббревиатура Лос-Анджелеса.

те ли, в любой момент в Лос-Анджелесе тысячи, если не десятки тысяч людей хотят куда-нибудь поехать, но не едут по той единственной причине, что им неохота сидеть в пробке. Некоторые, чтобы избежать пробок, едут на работу в пять утра или уходят с работы в девять вечера. Поэтому, как только город построит железнодорожные или автобусные линии, которые облегчат существующее движение, это освободившееся пространство моментально заполнится теми людьми, которые раньше не ездили, но теперь решили, что для них найдется местечко. Если вы живете в Санта-Монике и работаете в центре города или наоборот, линия «Экспо» – это ваша спасательная капсула от пробок. Но если нет и вы все равно планируете водить машину, то не важно, сколько поездов, автобусов, трамваев или скутеров они внедрят, вождение в Лос-Анджелесе останется кошмаром во всем обозримом будущем. Точка. Короче говоря, к черту машины».

Видеозапись показывала то Марти без рубашки, пьющего пиво и разглагольствующего о транспорте, то слайд-шоу из фотографий. Автострады 10, 405, 101, 110, 210. Кадры съездов и въездов на шоссе. Кадры застрявших в пробке машин. Дорогие автомобили. Древние автомобили. Автомобили экономкласса. Фотографии, снятые с ракурса человека, идущего по городу пешком.

Теперь, застряв в пробке, Джоди смотрит по сторонам. Машины. Съезды. Мосты. Многоэтажные дома. Гребаные бетонные джунгли. Джоди не видит ничего достойного фо-

тографии; у Марти был настоящий талант.

* * *

Джоди выходит из машины. Гугл-карты направляли его на запад по десятому шоссе и на север по пятому и, наконец, через Сайпресс-авеню привели в Маунт-Вашингтон. И теперь он стоит возле дома, адрес которого совпадает с обратным адресом на последнем письме Марти. За десять лет Марти отправлял Джоди письма или книги с десяти разных адресов. Получается, в среднем Марти переезжал как минимум раз в год.

На участке стоит одноэтажный дом, а на заднем дворе есть отдельная постройка. На стук никто не отвечает. Но за домом слышится шорох. Джоди идет по мощеной дорожке в задний двор, где мужчина высаживает бархатцы на грядку, посыпанную мульчей.

Мужчина смотрит на Джоди раздраженно или, может, просто испугался от неожиданности. Он вытирает лицо своей серой футболкой. Темные пятна свежего пота ложатся на желтые пятна старого пота.

– Извините. Я стучал. Потом услышал, что здесь кто-то есть.

– Чего ты хочешь?

– Я хотел спросить о вашем арендаторе.

– Арендаторе? У меня был один арендатор, но этот мудака

смотался пару недель назад и задолжал мне арендную плату за полтора месяца.

– Марти?

– Да. Ты знаешь, где он? Я даю ему еще один день, прежде чем выкину его шмотье на дорогу. Мне надо выплачивать залог за дом. Я рискнул, поверив этому парню. Дал ему место, где жить, и согласился получать оплату неофициально, и вот что он устроил.

– Марти – мой брат. Был.

Услышав это слово в прошедшем времени, мужчина прерывает свою работу. «Что?» – произносит он одними губами, словно не может заставить себя сказать это вслух.

– Он приехал в Пенсильванию. И там его убили. И нашего отца тоже.

– Погоди, что? Ты кто?

– Я Джоди.

– А Марти...

– Умер.

Мужчина вытирает пот со лба. На тыльной стороне его ладони, прямо под костяшками пальцев – шрам от ожога, формой похожий на арахис.

– Черт. Мне жаль. Извини, что я назвал его мудаком.

– Ничего. Как долго он здесь жил?

– Полгода.

– Всего?

– Ага.

– Как вас зовут?

– Трэвис. – Он протягивает руку со шрамом. Джоди ее пожимает. – Мне жаль, что я назвал его мудаком.

– Все в порядке. Вы же не знали... Вы думали, он сбежал. Так он арендовал вот это место?

Джоди указывает на маленький домик в конце двора.

– Ага. Могу показать.

Джоди колеблется, не уверенный, сможет ли он вынести вид дома своего брата. Впрочем, «нет» он не скажет.

Небольшая комната содержит двуспальный матрас на полу, двухместное кресло, комод с тремя ящиками, кухонную плиту и штангу для вешалок с одеждой. Одна голая лампочка. Раздвижная деревянная дверь прикрывает крошечную нишу с душем и туалетом. Мини-дом, но не из тех, что сейчас в моде. Просто маленький. Но дом. И это был дом Марти.

На стенах висят карты. Навигационные, кадастровые, топографические, карты национальных парков, карты автомобильных дорог, старые исторические карты. Карта Лос-Анджелеса. Южной Калифорнии. Центрального побережья. Залива Сан-Франциско. Округа Гумбольдт. На комод лежат еще штук двадцать таких карт.

– Он их собирал. Старые карты Калифорнии. Забавно.

– Почему?

– Почему собирал или почему забавно?

– Что? – Джоди отвлекся, рассматривая комнату.

– Не знаю, почему он их собирал. Я сказал «забавно», по-

тому что больше у него почти ничего не было. Мало одежды. Пара обуви. Компьютер. Телефон, который он в основном ставил на режим «в самолете» и использовал только для фотографий. Но он любил карты. У меня в Вашингтоне есть племянник, он аутист и любит карты. Нет, я не говорю, что Марти аутист. Черт, да твой брат – полная противоположность аутиста.

Джоди обходит крошечную квартиру-студию, разглядывая карты. Он представляет себе Марти, лежащего на этом матрасе, что вызывает в его памяти образ Марти, лежащего на ковре, истекающего кровью. Джоди закрывает глаза, чтобы не плакать, и на мгновение теряет равновесие.

– Я могу подождать снаружи, если хочешь побыть один, – говорит Трэвис, заметив, как Джоди пошатнулся.

– Нет. Все нормально.

Джоди выдвигает пару ящиков. Ничего, кроме еще нескольких карт. Сверху на комод Джоди замечает картонную подставку под пиво. «Пивоваренная Компания Фигуроа-Маунтин».

– Как я уже сказал, у него почти ничего не было. Вот, одежда. И его карты.

Джоди подходит к холодильнику. На нем пятьдесят букв на магнитах. На первый взгляд буквы наклеены на дверь в хаотичном порядке. Но восемь букв стоят вместе: «ДЕЛАЙ ХОР».

– Эти магниты были здесь до Марти. Мой прежний арен-

датор складывал их в хайку.

Джоди продолжает смотреть на «ДЕЛАЙ ХОР». Эти слова его преследовали. Они стали символом его вины за побег Марти в Калифорнию, а потом и символом его вины в смерти Марти. Но может быть, Марти все же нравились эти слова. Возможно, Джоди создал такой вот элемент их общей истории.

– Сколько он вам задолжал?

– За полтора месяца.

– Сколько?

– Восемнадцать сотен.

– Восемнадцать сотен? Двенадцать сотен в месяц за такую халупу?

– Я ему еще и скидку сделал. Я мог бы сдать этот дом за полторы тысячи. Хипстеры и художники наводнили наш район, будто это Вудсток в шестьдесят девятом.

– Я заплачу за него.

– Ты не...

– Нет, я настаиваю.

Джоди достает из рюкзака чековую книжку.

– Только прошу вас взамен ответить на несколько вопросов о Марти. – Джоди выписывает чек на тысячу восемьсот долларов. – На какую фамилию?

– Мне как-то неловко. Я отвечу на твои вопросы о Марти. Правда, я мало что знаю. Мы редко общались. Он мог говорить часами, стоило ему только начать, обычно просто обо

всем на свете. Он не... Я не знаю, что случилось.

Джоди все еще держит ручку и чековую книжку.

– Теперь, когда я знаю, что он был убит, мне неловко, что я так о нем сказал. Мне не нужны твои деньги.

– Вы сказали, что он вам задолжал. И что вам надо выплачивать залог.

– Да... но все равно.

– Ну а как насчет такого: восемнадцать сотен покрывают этот месяц?

– В смысле?

– Я имею в виду, эта арендная плата учитывает текущий месяц?

– Да. Часть месяца.

– Могу я здесь остаться? Возьму на себя его платежи.

– Ты... Ну ладно. Наверное.

– Так на какое имя выписывать чек?

Шаг первый – посещение квартиры Марти – не привел его к разгадке убийства, зато помог второму шагу, предоставив место для ночлега.

Глава 6

Пен

Пен оставляет свой «Приус» на соседней улице в Маунт-Вашингтон и подходит к одноэтажному дому, стоящему на участке в четверть акра. С подъездной дорожки видит строение на заднем дворе, обугленное до черноты.

Последние сорок восемь часов Пен изучала видео и посты на сайте «Моя грязная Калифорния». Она пробовала позвонить на номер мобильного телефона Джоди, который нашла в интернете, но включилась голосовая почта и сообщила ей, что почтовый ящик переполнен.

Затем она отыскиала в интернете адрес его электронной почты и написала письмо, но он не ответил. Из одного видео, записанного самим Джоди, Пен узнала, где он живет – там же, где в последний раз останавливался Марти. Проверив адрес, она обнаружила, что это всего в миле от международной штаб-квартиры «Содружества самореализации»⁴⁶, иногда называемого Дом реликвий. Восемнадцать месяцев назад Пен заглянула в бывший отель «Маунт-Вашингтон», превращенный в их храм, полагая, что это вероятное место для До-

⁴⁶ «С о д р у ж е с т в о с а м о р е а л и з а ц и и» – религиозная организация, пропагандирующая медитацию по методу крийя-йоги, сочетая индуистские верования с элементами христианства.

ма Пандоры. Но после того как ее поймали на незаконном проникновении в подвал с архивами, ей выписали пожизненный запрет на его посещение.

Дверь открывает мужчина лет сорока пяти.

– Я могу вам помочь?

– Вы Трэвис?

– Ага.

– Привет, меня зовут Пенелопа. Я надеялась поговорить с Джоди. Он здесь?

– Джоди? Нет. Его здесь нет. Ты знаешь, где он?

– Я? Нет. Я приехала сюда, чтобы с ним поговорить.

– Мне нужно знать, где он.

– Значит, он здесь больше не живет?

– Нет. После пожара.

– После какого пожара?

Трэвис указывает на частично сгоревшую постройку в конце двора.

– Он разрешил своей приятельнице пожить тут неделю. Какая-то девушка по имени Николь. У меня нет с ней связи. Хотя, судя по нашему с ней последнему разговору пару месяцев назад, она вряд ли мне поможет. Мне нужно, чтобы Джоди поговорил со страховщиками, иначе я не получу свой чек. Просто чтобы он сказал, что дом спалил не он, а его подруга, которая была здесь, когда случился пожар.

– Значит, он съехал?

– Ага. После пожара.

– Куда он отправился?

– Сильвер-Лейк. Потом Хайленд-Парк. Палмс. Я знаю, что некоторое время он жил в центре города. Но не смог с ним связаться.

– Марти тоже жил здесь?

– Ага.

– Вы не знаете, Джоди выяснил, кто убил Марти?

– Нет. Я не знаю.

– Насколько хорошо вы знали Марти?

– Прости, а ты кто?

– Пен.

– А что ты...

– Я режиссер-документалист. Также пытаюсь выяснить, что произошло с Марти. Хотела обсудить это с Джоди.

– Понятно.

– Могу я взглянуть на его дом?

Трэвис показывает Пен обгорелую постройку. Две из четырех стен обуглены. Пен видит то, что раньше было кушеткой. Если там имелаась кровать или матрас, то они, должно быть, сгорели. Комод с тремя ящиками понес наименьший ущерб. На нем лежит куча карт, все частично обгорелые. Пен разглядывает карты. Многие выглядят старыми, как коллекционные.

– Это карты Джоди?

– Марти.

Пен вглядывается в карты. Логично, что они принадле-

жали Марти. И логично, что он пользовался старыми картами, пытаясь определить аномалии, которые могли иметься на картах до того, как правительство начало их скрывать.

Пен берет самую нижнюю карту в стопке. Это старая карта вулканического национального парка Лассен. Начиная со старшего класса Пен вела список возможных дефектов, вероятных прорех в мире. Лассен и его странные дымящиеся фумаролы уже давно в этом списке.

– Мог ли это быть поджог?

– Поджог? Это была подруга Джоди, Николь. Случайность. Она сама вызвала «девять-один-один».

Пен хотела бы услышать от Джоди, была ли это Николь и была ли это случайность. Или кто-то предпринял попытку уничтожить эти карты?

– Как хорошо вы знали Марти?

– Не очень хорошо.

– Он говорил о девушке по имени Рената? О том, как она нашла Дом Пандоры?

– Нет. О таком я не слышал. Ты про ящик Пандоры, как в мифе?

Пен игнорирует вопрос и продолжает:

– А о Ренате?

– Он никогда о ней не упоминал.

– Что-нибудь о женщине, прыгнувшей в симуляцию?

– О чем ты, черт возьми, говоришь?

– Ни о чем. Мне нужно поговорить с Джоди. Я пробовала

звонить ему на мобильный телефон и отправила электронное письмо на адрес, который нашла в Сети. У вас есть другой способ с ним связаться?

Трэвис потирает тыльную сторону ладони в том месте, где у него пятно в форме арахиса.

– Леди, я не знаю, как еще вам это сказать. Я сам ищу Джоди. Мне нужно, чтобы он поговорил со страховой компанией. Я ничего не слышал от него пять недель, ясно? Его телефон выключен, а голосовая почта переполнена. Может, он и выяснил, кто убил Марти, и его за это убили, откуда я знаю.

– Значит, он исчез? – спрашивает Пен.

– Да, это точное слово. Исчез.

Глава 7

Джоди

Джоди выходит из своей новой квартиры на тридцатипятиградусную жару. Здесь жарче, чем в Пенсильвании, но Джоди меньше потеет. Жара здесь другая. Она вытягивает влагу прямо изо рта. Рори, часто дыша от радостного предвкушения поездки, запрыгивает в грузовик.

Джоди едет на запад в Санта-Монику, чтобы поговорить с Честером Монтгомери.

Джоди живет в старой квартире Марти уже три дня – достаточно, чтобы купить молоко и хлопья и осмотреть окрестности. Они с Рори исходили квадратную милю вокруг дома Марти. В основном Джоди просматривал видео и письменные посты на сайте «Моя грязная Калифорния», изучая их в обратном направлении, от более свежих постов к более старым. Посты Марти об Энсинитасе и округе Гумбольдт расплывчаты, но есть кое-какие детали в предпоследнем посте о вечеринке на Голливудских холмах и игре в покер с богатым арт-дилером Честером Монтгомери.

Джоди плохо ориентируется в пространстве. Когда он научился водить машину, до гугл-карт и айфонов, он легко мог заблудиться в клубке проселочных дорог юго-восточной Пенсильвании. Двигаясь по шоссе 10 к пляжу, он понимает,

что Лос-Анджелес снабжен гигантским компасом: к западу – океан, к северу – горы. Теперь, по прошествии нескольких дней, бывают такие моменты, когда мысль или общение дает ему пятисекундную передышку от навязчивых мыслей о погибших брате и отце. Но затишье приводит только к еще более сильной душевной боли, когда мысли возвращаются обратно.

* * *

Здание станции «Бергамот» – это комплекс, который одновременно является культурным центром с художественными галереями, дизайнерскими фирмами и кафе. Джоди находит Галерею «ЧМ». Дверь открыта. Внутри довольно мало предметов, но, возможно, так галереи презентуют настоящее искусство. Не сваленным в кучу, как барахло в комиссионке. А в свободном пространстве.

Подходит женщина с короткой стрижкой и в очках. Она похожа на тех актрис, которые в фильмах играют женщин, работающих в художественных галереях.

– Здравствуйте, как у вас дела сегодня утром?

И разговаривает тоже как они.

– Я в порядке. А вы?

– Превосходно. Вы коллекционер?

– Вообще-то я надеялся поговорить с Честером.

– О, его здесь нет. Вас интересует какое-то конкретное

произведение? Я очень хорошо знакома со всем нашим каталогом. Всем, что выставлено и не выставлено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.